

Анастасия Астафьева

Глафира и Президент

Притча времён ковида

Окончание. Начало см. «ДиН» №3/2023

День четвёртый. Дары

(5 мая, вт.)

Часов с семи утра Глафира сидела у окошка спаленки, вязала полосатый носок и внимательно следила, чтобы соседи-дачники действительно ушли на остановку и уехали. Те, поглядывая на её окна, протопали мимо в семь сорок, а в восемь пятнадцать за березняком с характерным скрипом тормозов остановился автобус. Старуха облегчённо выдохнула — опасность миновала.

Вчера вечером, когда солнце уже закатилось за лес, Никитич высадил их, четверых, на этой самой остановке. Глафира провела гостей тропкой через березняк прямо к дому. Никто их не заметил.

Машину Никитич оставил в лесном закутке — с дороги не видно, а в лес сейчас никто особенно не шастает, — и вернулся к бабкиной избе той же тропочкой.

Все рано легли спать. Ещё бы! Целый день на воздухе! Даже загорели немного — майское солнце цепкое.

Чай к завтраку заварили на родниковой воде, и все отметили, что и темнее он, и аромат раскрылся лучше. Быстро поев, ребята собрали инструменты — топорики, ножовки, бензопилу — и уехали наводить порядок около источника. Никитич, правда, хотел остаться, но Президент, коротко переговорив с ним, отправил водителя вместе с Ильёй и Алёшей. Сам сел работать: открыл свой ноутбук, что-то читал, иногда быстро набирал на клавиатуре короткий текст.

«На письма отвечает...» — догадалась Глафира.

Потом ему кто-то позвонил, и разговоривать Президент вышел на улицу.

Бабка продолжала увлечённо вязать носок, подбирала цветные нитки так, чтобы полоски на нём сочетались одна с другой, чтобы не вышло аляповато. Вчера утром, пока никого не было дома, она осторожно взяла тапочки Президента, прикинула размер — боялась ошибиться, пусть носочек удобно сядет на ножке. Вязать она любила, и если бы было больше времени, связала бы для Президента и душегрейку. Но нет, не успеть... Да и пальцы как-то плоховато слушаются. Носок

вот один сегодня довяжет, завтра возьмётся за второй.

Глафира оторвалась от рукоделия, взглянула в окно и крикнула, поймав на кончике языка и не выпустив в мир бранное словцо. По деревне, в сторону её дома, шаршился дед Семён. И был он уже довольно близко. А Президент ходил возле крыльца и всё ещё разговаривал по телефону. По тону голоса и резким фразам было понятно, что отчитывал кого-то.

— Старая калоша... — заворчала на себя Глафира, откладывая вязание. — Сама же наобещала, что придут ребята огород копать. Он вчера день прождал да сегодня полдня. А терпелу-то ведь у нас нет!

Бабка прытко выбежала на крыльцо и стала манить рукой Президента. Но тот, раздосадованный чем-то, отмахнулся и продолжил неприятный разговор.

— Домой! Домой скорей зайдите! — громким шёпотом кричала ему Глафира и тыкала пальцем в бредущего за забором старика. — Конспирация!

И только когда кепка деда Семёна замаячила около калитки, Президент отключил телефон и резко спросил:

— Что случилось, Глафира Фёдоровна?

Но отвечать уже было некогда. Бабка бесцеремонно схватила главу страны за руку и, затащив на крыльцо, велела быстренько спрятаться в спальне. — Я его в избу-то не пущу, но так, на всякий случай! — быстро проговорила она вслед гостю, а сама вышла навстречу старику: — Чего ползёшь?! Я вот как раз сама к тебе собираюсь!

— Да погоди, Глашка, дай отдышаться... — дед тяжело опустился на ступеньку крыльца. — Немоухом что-то я с вечера...

— Я ж тебя вчера видала! Как огурец был!

— С утра-то встал нормально, а к вечеру слабость какая-то нашла, — то ли услышал, то ли просто поймал её мысль сосед.

— Тем более — чего прёшься?! Лежал бы! Я бы пришла.

Глафира положила ладонь на дедов лоб.

— Температуры вроде нет! Но кашляешь вот! Сколько говорю: кончай смолить!

Бабка продолжала по привычке отчитываться деду, хотя на самом деле растерялась и испугалась. — Таблеточку какую-нибудь дай, — попросил дед Семён. — Голова так болит, спасу нет.

— В больницу надо, а не таблеточку! Посиди тут!

Глафира зашла в избу и от порога спросила Президента:

— Что хоть делать-то? Заболел дед...

— Что с ним? — прозвучало из спальни.

— Температура, не поняла, есть или нет... А кашель — дак он всю жизнь кашляет. Потому что курит с пяти лет. Всю пенсию прокурил!

— Я думаю, всё же лучше вызвать врача, — вышел из-за перегородки Президент.

— Сейчас Лариска позвоним... Можно ведь с вашего?

Глафира выдвинула ящик комода, достала оттуда потрепанную телефонную книжицу и, раскрыв на нужной странице, ткнула в подчёркнутый синей ручкой номер.

— Наберите, пожалуйста.

— Лариска — это кто?

— Фершалка наша. Она быстро прибежит, тут до усадьбы километр.

Президент нехотя стал набирать на своём мобильном номер.

— Как же вы без телефона-то живёте, Глафира Фёдоровна?

— Да есть у меня где-то эта игрушка, сынок подарил. Но я её заряжать забываю. Да всё время с пультом телевизионным путаю. Схвачу, жму, жму. А телевизор не включается. Ну всё, думаю, сломался...

В трубке пошли гудки. Президент вскинул вверх палец, давая знак замолчать, и протянул телефон Глафире.

— Лариска! Ларисонька! — закричала бабка в трубку что есть мочи. Глава страны даже вздрогнул и отшатнулся. — Семён Данилыч заболел! Прибегни, девонька! Худо ему совсем!.. У себя он, у себя! Лежит, не встаёт... Нет, вчера нормальный был, а сегодня не встаёт! Да... Да... Хорошо, девонька! Ждём!

Она протянула телефон обратно Президенту и торопливо пояснила:

— Я сейчас его до дому провожу, уложу. Лариска придёт к нему, разберётся. Если надо — вызовет скорую. А мы с вами в лес уйдём.

— Зачем? — удивился Президент.

— За сморчками! — весело сообщила Глафира. — Для конспирации!

— Что за глупости? Я тут посижу.

— Не-ет! Лариска молодая, глазастая, придёт меня заодно проведать, всё высмотрит. Нюхом учует, что кто-то у меня есть. Лучше уйти.

— А далеко эти... сморчки ваши? — спросил совсем ошалевший глава страны.

— Да тут, под угорицей. Близко!

И бабка выбежала из избы, подхватила деду Семёна с крыльца и повела его обратно к его дому. Было видно, как она нервничает и торопится, но больной старик шёл медленно, останавливался, откашливался.

Вернувшись, Глафира выдала Президенту резиновые сапоги и лесной костюм сына, кепку на голову. Сама тоже нарядилась по-лесному: натянула спортивки, сверху брюки, штанины которых засунула в сапоги, домашний халат сменила на мужскую фланелевую рубашку, наглухо застегнула её, сверху на всё это надела старый плащ и повязала на голову платок.

— И вы застегнитесь! — велела она гостю. — Ворот как следует затяните и рукава не закатывайте, распустите... пуговка вот тут...

— Тепло же на улице! — пытался возражать новоиспечённый грибник.

— А это не для тепла, а от клещей! Не принести бы на себе... У нас клещей — страсть развелось!

— Что-о?! — воскликнул Президент. — Тем более никуда я не пойду!

— Надо идти, миленький, надо, — приговаривая, увлекала его за собой Глафира. — Сейчас попрыскаемся ещё. Прыскалка у меня специальная от клеща есть.

Отупевший от её болтовни гость покорно вышел на крыльцо. Бабка сунула ему в руку небольшую корзинку, а сама схватила зелёный баллончик и облила какой-то пахучей жидкостью всю одежду с ног до головы сначала на себе, потом на Президенте. Попыталась прыснуть ему на шею и руки, но тут уж глава страны взбунтовался:

— Хватит! У меня аллергия! И прививки все сделаны! В том числе и от клеща!

— Вот и хорошо! А то вчера на родник непрысканные уехали. Да все в футболочках. Переживала я. Ну да там бор, на бору клеща немного. Он больше по лежалой траве, по кустам. А теперь же не косит никто, вот его и развелось. Ведь полчища! Несчётные тысячи!

Говоря всё это, Глафира повесила замок на дверь, тоже взяла корзинку, и они с Президентом пошли по тропинчке к остановке.

— Я-то каждый год в больничке страховку делаю, недорого совсем! Зато если укусит, сыворотка будет бесплатная. А так полпенсии отдашь... Надо вам тоже страховку сделать!

— Может, просто не ходить туда, где клещи? — язвительно поддел хозяйку гость.

— Что ж теперь, и не жить? — в тон ему ответила бабка. — Судьба, так и в огороде клеща поймает. Кому как повезёт... А ребята вечером с родника вернутся, надо всё-таки их осмотреть.

Они прошли метров двести по грунтовой дорожке. Та постепенно спускалась вниз, а потом снова тянулась в горку и терялась за поворотом. По обим сторонам дороги стоял вековой лес.

Сосны и ели в свежей хвое, берёзы в зелёной дымке молодого листа, всё ещё голые осины подпирали ярко-голубое, чистое небо. Юный и оттого дерзкий майский ветер качал и теребил кроны деревьев. Придорожная ива распустила жёлтые серёжки. Солнечные пятна одуванчиков тут и там светились по обочинам. Пёрла сныть, лез лопух, проклёвы-вался пырей, кучерявилась пижма. И над всем этим уже толклись, жужжали какие-то мошки. Пролетела первая бабочка. Шмель прогудел.

Навстречу грибникам попала машина. Президент надвинул кепку пониже и на всякий случай отвернул лицо. Глафира сошла с дороги и спустилась под обочину. Гость шагнул за ней. Они продрались сквозь кусты и низкий колючий ельник, вышли на маленькую лесную полянку. Остановились. Глафира подошла к поваленному сосновому стволу, с которого давно осыпалась кора. Походила вдоль него, наклонилась, что-то срезала ножичком и показала сморщенный, коричневый, очень похожий на огромное ядро грецкого ореха гриб. — Вот! Первый! Значит, не зря пришли. Тепло, дождь полил, они и полезли.

Президент взял сморчок в руки, разглядел, понюхал.

— Сыростью пахнет ваш гриб. Плесенью.

— Сам ты! — обиделась было Глафира, но опомнилась и хлопнула себя по губам. — Вот наварим да нажарим с луком — за уши не оттянешь!

— А вы уверены, что это можно есть?

— Ещё как! Я их каждую весну собираю. В них много полезных веществ и минералов. Так в газете писали.

Она прошлась по полянке, пошевелила обломанные ветки, нашла под ними другой гриб. У трухлявого пня — ещё два. Потом спустилась к канавке и крикнула оттуда:

— Идите сюда! Здесь много!

Президент без охоты пошёл к ней, проворчав на ходу:

— Я бы белых пособирал. У вас здесь боры, мох голубой. На нём такие крепкие боровики должны расти! Мы в Карелии с Сергеем Кужугетовичем собирали.

— Ну, за белыми — это осенью. Милости просим! А пока и сморчкам рады.

Постепенно глава страны втянулся и уже быстрее Глафиры находил эти забавные грибы. Настроение его улучшилось.

Они снова продрались сквозь ельник, пришли на другую полянку, на третью. Набрали уже по полкорзинки. Прогулялись по лесной дороге, где в колеях, среди старой осыпавшейся коры и обломанных веточек, торчали светло- и тёмно-коричневые, все в мозговых извилинах, грибные головы.

Лес был ещё прозрачен, свеж. Он переживал свою очередную молодость и стоял весь налитый соками. Казалось, было слышно, как они, эти

соки, смешанные с впитанной талой водой, устремляются по жилам деревьев от корней к вершине, и каждое дерево в лесу дышит глубоко, полногрудно, разворачивает, разминает свои деревянные плечи-сучья и затёкшие без движения пальцы-веточки. Обновляется кора, нарастают свежие годовые кольца, шелестят от лёгкого движения воздуха ниточки молодой берёсты на берёзах. И даже старый пенёк вдруг выпустит тоненький боковой побег, а упавшая в прошлогоднем буреломе лесина распустит вместе со всеми листья. Потому что весна! Потому что время жить!

Домой грибники вернулись часа через три. Глафира усадила Президента чистить грибы, сама же поставила на плитку большую кастрюлю с водой. — Надо их дважды отварить, воду слить, а потом уже жарить.

— Значит, они всё-таки ядовитые? — снова усомнился Президент в пользу предстоящего обеда. — Если бы они были ядовитые, я бы давно померла! — она села за стол напротив гостя и тоже стала чистить сморчки. — Ножку-то полностью отрезайте.

— Да тут и ножки-то как таковой нет.

— Ну вот это, где грязь, не жалейте... Этот чёрный совсем, старый, этот выкиньте. А вот это вырезать просто можно...

Под столом резвились котята, крутились клубком, выбегали, напрыгивали друг на друга и жалобно мяукали, если игра становилась слишком агрессивной.

— А вот это что? — спросил Президент и показал испорченный гриб.

— Это слизнячок поел, не страшно.

— Ну, я лучше выкину.

— Выкидывайте, хватит нам...

— А вот этот один, наверное, полкило весит! Я его на полянке у пня нашёл!

— Да-а, тяжёленький...

Так, за приятным разговором, они быстро перебрали грибы. Хозяйка закинула их в закипающую воду, а сама пока почистила и нарезала лук, поставила на вторую конфорку плитки жариться.

Грибы поварились минут десять.

— Помогите мне, пожалуйста, — попросила Глафира Президента.

Она взяла дуршлаг и держала, пока он выливал в него варево.

— Это столько всего вышло из двух корзинок? — удивился гость.

— А вы чего хотели? Они ведь уварились. Сейчас ещё разок прокипятим — и на сковородку.

Хозяйка водрузила кастрюлю с водой обратно на плитку. Только воды теперь было вполовину от прежнего, и грибы она кинула в неё сразу.

А тут и ребята вернулись. Сперва на двор задом въехал грузовик, в кузове которого горой были навалены чурбаки. Из левой дверцы кабины

выпрыгнул Алексей и, показывая жестама, помог машине попятиться.

— Давай! Давай! — махал он ладонью к себе.

Потом показал «стоп», грузовик остановился. Алексей отстегнул и откинул боковой борт кузова. Тот стал подниматься всё выше, выше, пока с него не покатались первые кряжи. Они попадали на землю, но кузов всё не останавливался, и тогда чурбаки тяжёлым громыхающим потоком ринулись вниз. Грузовик затрясся, отъехал вперёд, оставляя за собой богатый дровяной шлейф. Опустевшая машина радостно рванула с места и уехала прочь.

Алексей вошёл в дом.

— Ну что, всё сделали? — спросил его Президент. — Да где там всё! — устало опустил охранник табуретку около стола, поймал у ножки заигравшегося дымчатого котёнка, взял на руки и, поглаживая его, договорил: — Только вокруг лестницы да на въезде прибрали. А если дальше пробираться, то там и за неделю не управиться.

— Сейчас кормить вас будем, богатыри! — сообщила Глафира. — А где Илюша с Никитичем?

— Сейчас приедут. Илья грузовик назад погнал. А Никитич его там дожидается.

Алексей увидел, как Глафира вывалила что-то из душлага на сковородку, и спросил:

— А это что у вас? Грибы, что ли?

— Сморчки! Дары леса! — гордо возвестил Президент. — Сами набрали!

— Обалде-еть! — парень выпустил котёнка, подошёл к плитке и склонился над шипящей сковородой. — Пахнет-то как вкусно! С лучком?

— И с лучком, и с чесночком! — нежно оттолкнула его стриженую голову стряпуха. — Иди умывайся да переоденься и осмотришь, и ребятам скажи — клещей бы не натащили.

— А мы тут у вас нашли какой-то спрей. Побрызгались с утра.

— То-то я гляжу, там и полбутылки не осталось! Ну да всё равно, посмотрите друг друга — и за стол.

Алексей ушёл. Минут через пятнадцать приехали на чёрной машине Илья с Никитичем. Они долго умывались на улице, потом переодевались. Хозяйка успела отварить рис, бухнула его к грибам, перемешала и накрыла крышкой.

— Товарищ главнокомандующий! — Илья вошёл в избу и шуточно обратился к Глафире. — Осмотр личного состава произведёт! Посторонних насекомых не обнаружено!

Ребята расселись за столом в ожидании угощения. Глафира раскладывала рис с грибами по тарелкам и подавала им.

Алёша принял свою тарелку, в предвкушении потёр руки и произнёс:

— Ну-с! Попробуем, что за сморчки!

Президент тоже принял свою порцию, поблагодарил, взял в руки вилку.

Голодный Илья, не в силах ждать, уже отломил и жевал кусочек хлеба.

И тут Никитич сказал:

— Стоп! Положили вилки!

Все недоумённо посмотрели на него.

— Вы вот эти грибы собирали? — насторожённо спросил Никитич, показывая на стоящую у стены корзинку с грибными отходами.

Он выловил из мусора и обрезков поеденный слизьяком грибок, который забраковал Президент. Тот был совершенно целый, молоденький, светло-коричневый. Лишь в одном месте в извилистой голове гриба обозначилась дыра, обнажающая его нежные, кремовые внутренние стенки. Глафира бы никогда такой не выкинула, обрезала бы просто.

— Эти, — ответила она. — А что?

— Это не сморчки, — нахмурился водитель. — Это строчки. И употреблять в пищу их нельзя!

— Да ну тебя, Никитич! Есть охота! Нормально тут всё! — воскликнул Алёша и снова занёс вилку над тарелкой.

— Команда «стоп» была для всех! — шархнул водитель тяжёлой ладонью по столу.

Он поднялся, отобрал у ребят и Президента тарелки, свалил с них еду обратно в сковородку и унёс её куда-то под возмущёнными, растерянными, голодными взглядами собравшихся за столом.

Вернулся он с пустой сковородой и велел Глафире хорошенько её промыть.

— Объясни хоть, мил человек, чем я не угодила? — обиженно спросила хозяйка и поджала губы. — Всё приготовлено как положено. Два раза отварила, воду слила. Поджарила хорошенько.

— Да, Никитич, объясни, — подключился Президент. — Я лично участвовал в процессе приготовления и могу подтвердить слова Глафиры Фёдоровны. — Не нужно это есть, ни варёное, ни жареное.

— Да почему же? — возмутилась хозяйка. — Мы с малолетства эти грибы собираем и едим. Дары природы! — она взглянула на Президента, ища у него поддержки. — И никто до сих пор не помер!

— Есть такие грибы, от которых сразу не помрешь. Яд в организме постепенно накапливается, отравляет его, поражает отдельные органы, — занудно вещал Никитич голодным людям. — Может являться причиной возникновения опухолей, других заболеваний. Даже слабоумия.

— А я вот, слабоумная, восемьдесят лет эти грибы ем и всё никак не помру! — окончательно обиделась Глафира. — Пирожки мои вчера тоже с грибами были. Что же на экспертизу не отправили? Вдруг я и там поганок насолила?

— Это я упустил. . . — на полном серьёзе покаялся Никитич.

— Ну хватит вам ссориться, — Президент попытался примирить две конфликтующие стороны. — Обедать всё равно надо. Доставайте, ребята, что там у нас от завтрака осталось.

Илья с Алексеем охотно отправились к холодильнику, понесли к столу закуски.

Но Никитич не успокаивался.

— Глафира Фёдоровна, а чего вы обижаетесь? Мне не верите— давайте в интернете посмотрим,— он достал телефон, набрал в поисковике запрос «сморчки и строчки». — Вот! Смотрите! Сморчки — они конические, пирамидальные. На чёткой ножке. А то, что вы насобирали,— это строчки. Просто народ названия перепутал. И то, что строчки,— называют сморчками. А сморчки— строчками. И про них написано... Я вам зачитаю... Из Википедии...

Хозяйка в телефон смотреть не стала и слушать ничего не хотела. Она ушла за перегородку, в спальню. Снова села у окна и принялась за вязание. Но руки дрожали. Ей было очень обидно. Столько трудов и продуктов пропало зря.

А Никитич упорно зачитывал, не упуская даже формул, непонятных слов и специализированных терминов:

— В строчках, особенно в сырых, содержатся гиromитрины— сильные токсины, производные гидразина общей формулы $R = N - N(CNO)CH_3$, обладающие гемолитическим действием, а также разрушающие центральную нервную систему, печень и желудочно-кишечный тракт. Поэтом употреблении в пищу жареных неотваренных строчков, а также бульонов из них может приводить к серьёзным отравлениям, часто со смертельным исходом.

Он поднялся, встал у перегородки и продолжал добывать старушку:

— При употреблении строчков в пищу необходимо соблюдать осторожность. Во-первых, даже те количества гиromитринов, которые остаются в грибах после отваривания или сушки и не вызывают клинической картины отравления, могут быть канцерогенны. Во-вторых, некоторые люди (особенно дети) могут обладать повышенной чувствительностью к гиromитринам, так что даже небольшие количества этого яда будут опасны для них. Высказывалось предположение о существовании особых штаммов строчков с повышенным содержанием гиromитринов, против которого вываривание неэффективно...

Глафира заплакала.

— Никитич!— вдруг очень строго сказал Президент и пристально, холодно посмотрел водителю прямо в глаза.— Ты уже, по-моему, сам запутался. Сядь на место.

Водитель подчинился. Сел. Замолчал.

Вконец оголодавшие Илюша с Алёшей осторожно таскали с тарелок кусочки мясной и сырной нарезки. Запихивали их в рот и стеснительно жевали.

— Иди извинись перед Глафирой Фёдоровной,— очень тихо, но тоном, не терпящим возражения, сказал Президент Никитичу.

— Но ведь все могли отравиться,— прошептал тот.— В первую очередь вы...

Тогда Президент сам зашёл за перегородку.

— Глафира Фёдоровна, я от лица всего нашего коллектива приношу свои извинения за испорченный обед.

— Да что уж там...— подняла на него грустный, влажный взгляд хозяйка.— Это вы меня, дуру старую, извините.

— А давайте картошечки нажарим!— весело предложил глава страны.— Есть же у нас картошечка? Осталась от посадки?

— Осталась!— оживилась Глафира, отложила носок.— Надо только в подпол слезать, набрать.

— Ребята!— окликнул Президент охранников.— Кто в подпол?

— Да мы уже тут!— отозвались голоса откуда-то из-под половиц.— А огурчиков солёных достать?

— Достать!— засуетилась у открытой крышки подпола хозяйка.— Вон ту баночку берите, у стены. Побольше!

Меньше чем через час все сидели за обеденным столом и уплетали ароматную жареную картошку вприкуску с хрустящими солёными огурцами.

— Эх, хороша закуска!— воскликнул Никитич.— Может, по сто грамм с устатку?

— А прочитай тебе про вред водки?— подколот его Президент.— Как она действует на центральную нервную систему, печень и другие органы?

Илюша с Алёшей прыснули со смеху.

Глафира довольно заулыбалась.

— Ну, уели, уели,— сдался Никитич и уткнулся в свою тарелку.

А Президент наклонился к хозяйке, подмигнул ей и шепнул, но так, чтобы все слышали:

— А мы завтра сходим и ещё насобираем!

Глафира всё же очень беспокоилась о здоровье деда Семёна и после обеда побежала к нему.

Старик лежал, как и всегда, укрывшись вместо одеяла полушубками.

— Мёрзну чего-то...— произнёс он слабым голосом, когда Глафира подошла к кровати.

— Чего Лариска-то сказала? Температура есть?— наклонившись, громко спросила его бабка.

— Не намеряла. А вот давление, говорит, высокое. Укол воткнула. Таблеток оставила...

Дед замолчал.

— Ну а дальше чего?— нетерпеливо спросила его соседка.

— Чего... Подождать денёк. Если станет хуже, скорую вызывать.

Дед снова замолчал, а потом протянул руку и сжал Глафирину ладонь.

— Глаша, ты посиди со мной... Мне как-то... Не по себе как-то...

Глафира взяла табуретку, приставила её к кровати и послушно села.

Снова повисла тишина. Только слышно было, как тяжело, с посвистом, дышит лежащий старик. — Она хоть послушала тебя? — заботливо спросила бабка.

— Чего?

— Послушала?! — крикнула она деду в ухо.

— Ой, не кричи ты так, — заворчал старый. — Послушала.

— И чего?!

— Ничего.

— Да как ничего-то?! — возмутилась Глафира. — Вон как свистишь весь!

— Это я по жизни свистю. Знаешь ведь, курю с малолетства.

Старик снова замолчал. Снова нашёл бабкину руку и сжал её своей заскорузлой ладонью.

Всегда суетливой Глафире трудно было сидеть без дела, но она терпела, почувствовав какую-то небывалую близость между собой и этим одиноким убогим стариком. Пожимала ответно его руку, поправляла съехавший полушубок, подавала пить.

Сколько прошло времени, она не знала. Дед Семён задремал. У Глафиры затекла спина. Она осторожно освободила свою ладонь из его пальцев, неслышно поднялась с табуретки. Надо было хоть каши сварить старику, покормить его.

Она прошла на кухню, включила плитку, поставила воду. Стояла, ждала, пока закипит. Смотрела в окно. Солнце скатывалось к лесу, пропитываемая розовым сиропом высокое небо с редкими облачками. Вечерняя тень медленно ложилась на поле, на молодой березняк. Только дикая яблонька, самосевом выросшая под кухонным окном дедова дома, сияла белым цветом, словно сопротивлялась наползающей ночи. Но вот и её цветы сначала окрасились в розовое, а потом медленно, вместе с солнцем, погасли. Густые синие сумерки легли на деревню.

Дед закашлялся и проснулся.

— Глаша-а, — позвал он.

— Сейчас! — отозвалась Глафира, быстро посолила закипевшую воду и высыпала в неё из пакета остатки гречневой крупы.

Зашла в комнату.

— Чего?

— Куда ты ушла?

— Да тут я, тут.

Она снова села на табуретку рядом с кроватью.

— Помру я, Глаша, так ты возьми там, на память...

— Чего у тебя брать-то? — вздохнула бабка.

Но дед сделал знак рукой, чтобы она его не перебивала.

— Поди, возьми там, в буфете, в ящике... В платок завёрнуто...

Глафира послушно пошла к буфету, выдвинула левый ящик.

— Не тут... В правом.

Глафира выключила плитку, чтобы каша не подгорела, выдвинула правый ящик, покопалась в каких-то проводках, старых лампочках, сломанных фонариках, отвёртках и нашла на дне что-то, завёрнутое в голубую газовую косынку.

— Это? — принесла и показала она старику.

— Это. Развяжи.

Глафира послушалась. В косынке оказалась красивая восьмигранная коробочка с маленькой изогнутой ручкой. Коробочка в каждой из граней была инкрустирована эмалью с цветочным орнаментом, а на торцевых крышках по кругу, парами, взявшись за руки, двигались в танце дамы и кавалеры.

— Покрути, — сказал дед и улыбнулся беззубым ртом совсем по-детски.

Глафира крутанула ручку, и из коробочки слышалась примитивная механическая музыка. Что-то пощёлкивало и позвякивало. При каждом новом прокручивании она повторялась, а дамы и кавалеры кружились под неё в одинаковом танце. — Это музыкальная шкатулка, — сиял совершенно счастливый дед Семён. — Для тебя! Я ведь, Глаша, в молодости сох по тебе. А ты Гришку-конюха выбрала.

— Ты же знаешь, что не сама я, отец сосватал, — тихо ответила Глафира, продолжая крутить ручку, и музыка всё тренькала и тренькала. — Я Колю любила. А он в Ленинград уехал да и сгинул там. Мне всё равно стало, за кого идти. А ты... Я про тебя не знала... Да ты же младше меня на три года. Ты тогда мне мальчишкой казался...

Удивительно, но старик вдруг стал всё отлично слышать, ей не приходилось кричать ему. Может быть, просто потому, что о таком не кричат. Люди слышат друг друга сердцем и всё понимают без слов...

— Да-а... Как раз, когда Колька-то уехал, я смелости набрался и решил тебе обо всём сказать. Вот, поехал в город, шкатулку эту купил и платок. — И не подарил?

— И не подарил... Святки ждал. А на Святки ты уже с Гришкой в сельсовет пошла.

Глаза Глафиры наполнились слезами. Она перестала крутить ручку. Музыка смолкла.

— Поиграй ещё, — попросил дед.

Шкатулка снова затренькала.

— Хотя мы с Тamarкой и неплохо прожили, — продолжал исповедоваться старик, — но с тобой, я думаю, слаще было бы...

— Чего уж теперь говорить... Прошла жизнь.

Старик помолчал и вдруг заговорил, волнуясь, приподнявшись с подушки и заглядывая ей в глаза: — Глаша, ты возьми меня к себе... Я курить брошу.

Бабка перестала тренькать, отвела взгляд, помолчала с минуту и тихо, виновато ответила:

— Через два дня. Ладно? Сейчас не могу...

Глафира брела домой впотымах и несла в руке музыкальную шкатулку, завязанную в голубую газовую косынку. По щекам старухи текли неостановимые слёзы. И так теснило, ныло у неё в груди, что она боялась оступиться и упасть. Она оставалась, держалась за забор или за деревце, всхлипывала, сжимала в трясущейся руке подарок.

О чём плакала Глафира? Хотелось ли ей переменить, прожить заново жизнь? Или ей было жалко старика и заодно себя? Или оттого лились слёзы из её глаз, что вся эта непутёвая человеческая жизнь, в которой стократ больше мучений, чем счастья, оказалась столь хрупка, что её может сломить и уничтожить какой-то невидимый вирус? А люди так и не научились беречь друг друга. Не научились искренности и благодарности. Не умели и не умеют ценить простых земных радостей. Ведь можно утром встать и поклониться солнцу, испить крепкого чаю, погладить кошку, обнять родного человека и стать от этого счастливым. Чего же всё время хочет человек? Почему важное, истинное, сокровенное таит до последнего часа? А брань и проклятия слетают с его языка легко, бездумно? Почему мало ему быть сытым, одетым, жить в тепле, а рвётся он к богатству, к власти? Почему неистребляет природу, гадит в доме, в котором живёт сам и оставит жить детей своих? Куда всё быстрее несётся этот земной шарик, раскрученный до немыслимых, губительных скоростей нашей суетой, алчностью, несправедностью, нелюбовью? И всё плотнее делается время, и всё острее встают вечные вопросы, а ответов на них как не было, так и нет.

Конечно, Глафира не смогла бы так красиво, литературно сформулировать и описать своё состояние. Но всё это неосознанно бродило в ней, не оформленное в мысли и слова. Она жила чувствами, сердцем и верила, что все так живут. А потому горько плакала сейчас обо всех людях на этой грешной земле, и путь через деревню был бы для Глафиры совсем тёмным, если бы не теплил ся огонёк в окне её дома.

День пятый. Память

(6 мая, ср., Егорьев день)

Рано утром, наверное, около четырёх, когда едва забрезжил рассвет, в одно из окон Глафириного дома звонко постучали, а следом несколько женских голосов нестройно запели:

Встань, встань, хозяйюшка,
Встань, пробудися, Егорью помолися.
Батюшка Егорий, Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку, всю животинку...

Президент, спавший именно у того окошка, в которое постучали, аж подскочил от неожиданности и стал звать хозяйку.

— Спите, спите, — спокойно ответила Глафира, — это окликать пришли. Егорий сегодня. Я забыла вас предупредить.

Президент едва отодвинул занавесочку на окне и посмотрел на пришедших.

Пять женщин разного возраста, одетые в народные костюмы, с кокошниками на головах, с корзинками в руках, стояли в рядок под окном и пели дальше:

Зайцы, лисицы, во поле гуляйте, нас забавляйте.
Волки, медведи, за море уйдите, нас не будите.
Петушок, топчися, курочка, несися, хозяйка, раздобрися!

— Вот ведь лешие, и ковид их не берёт, — ворчала бабка, надевая халат.

Она вышла из спальни в залу, по пути взяла с кухонной полки приготовленные в плошке несколько сырых яичек и пакетик с конфетками. — Они, вишь, все деревни обойдут, а к нам в последнюю очередь всегда. Вот и припрутся вечно на заре, в самый сонный час.

Дай нам яичко Егорию на свечку,
Дай нам другое за наши труды.

Старуха распахнула створки соседнего с президентским окошка. Окликающие, не прерывая пения, перешли под него.

Спасибо, хозяйка, на добром слове,
На святом подаанье.
Дай тебе Боже подольше пожить
Да побольше нажить.

Глафира принялась их благодарить. Женщины смеялись, жаловались, что ходят с вечера и очень устали.

Визбу запоздало ворвался заспанный перепуганный Никитич. Он долго не мог понять, что происходит. Хозяйка поспешно спровадила окликальниц, успокоила Никитича и отправила его досыпать.

Самая тоже снова прилегла в спальне на кровать. Но уже сверху, на покрывало, не снимая халата. Всё равно скоро вставать.

— Какая интересная народная традиция! — услышала она голос Президента. — И ведь сохранилась же! Я думал, только в Святки колядуют, а оказывается, и в этот день.

— Не знаю, как у других, а у нас эта традиция и не кончалась, — отозвалась Глафира из-за перегородки. — Я ещё девчонкой помню, как в ночи придут, постучат, поют. И моя бабушка с ними ходила. По три корзины яиц собирают! Бывало, и пьяненькие явятся. Кое-кто и нальёт в честь праздника. Если уж чей двор обошли, так это считалось большой бедой...

— А яйца и в самом деле меняли на свечки?
— Не знаю. В старину, может, и относили в церковь. Но тоже не всё. А так — делили меж собой... — она помолчала, припоминая, и продолжила рассказ: — Правда, было, что не ходили несколько

лет. Старухи-то кто померли, кто уж не в силах. Хорошо вот, клубные девочки нашли кого-то, кто помнил, записали слова. Продлили ниточку памяти... Уж и скотины-то в деревне не осталось, только кошка моя да курицы. И то уважили. Дай им бог здоровья...

— А после этого, как его...

— Окликания.

— Да, после окликания что обычно делали?

— До Егория не принято было скотину в поле гонять, даже если и трава уже выросла. Может заболеть. А уж после окликания, утром, хозяйку берёт святую воду и веточку от Вербного воскресения и гонит этой веточкой коровушку в поле с молитовкой, водичкой брызгает. И овечек так же, и лошадку, и курочек. Любую животинку святости в этот день. Надо будет утром Мурку с котятками покропить. Да и курочек не забыть... А вы спите пока. Рано ещё. Даже солнце не встало.

Но, поднявшись часов в семь, Глафира Мурки не нашла. Походила, покыскала на мосту и на улице, а потом поняла, что не видела её с вечера, зато слышала, как в ночи возились и жалобно попискивали в коробке котят. Потом всё стихло, и она тоже заснула.

Вернувшись с ведром воды в избу, Глафира первым делом заглянула в коробку — котят в ней не было, и нигде они не бегали, не играли, не шумели уже привычно. Бабка тихонько пошла по избе, заглядывала по углам, под мебель, осторожно скребла ногтями по полу, едва слышно кыскала.

У диванчика, на котором, лёжа на спине, спал Президент, она распрямилась и, не сдержавшись, ахнула: пушистая разноцветная тройца мирно дрыхла на груди у главы государства. Видимо, продрогнув и проголодавшись без мамки, котятки вылезли из коробки и устремились к ближайшему живому источнику тепла. Проворные и по-детски бесстрашные, они взобрались на диванчик и, согрившись человеческим теплом, крепко уснули.

— Ох вы, греховодники, — едва слышно зашептала котяткам Глафира, — знали бы вы, на чьей груди пристроились.

Она скользнула нежным взглядом по лицу спящего высокого гостя, вздохнула, подоткнула свесившийся на пол угол одеяла и беззвучно отошла от диванчика, чтобы ненароком не разбудить Президента. Но тот, видимо, почувствовав присутствие кого-то рядом, проснулся сам.

— Не даём мы вам спать, — прошептала бабка.

— Да я выспался. Доброе утро, Глафира Фёдоровна! — ещё сонным голосом ответил Президент, а увидев на своей груди пушистую компанию, улыбнулся и погладил пальцами своего белого любимца.

— Доброе утро! Давайте-ка я их обратно в коробку унесу.

Она приняла из его рук разбуженных и запищавших котят и задумалась.

— А ведь их кормить надо... — и, заглядывая в умильные мордочки, заговорила: — Мамка-то ваша, прости... прости Господи, бросила вас! Живите как знаете. А я, мол, к Ваське одноухому пойду, новых делать! Да?

Котятки пищали и изворачивались в её руках. Она поставила их на пол, принесла блюдце и пакет молока. Налила и теперь по одному тыкала котят в блюдце. Те не понимали, упирались, дёргали мордочкой, разбрызгивая по полу белые капли. Рыжий в молоко даже лапами умудрился залезть, но толку было мало. Котятки остались напуганные и голодные.

Президент лежал на диване и, подперев голову рукой, наблюдал за всей этой вознёй.

— Может, попробовать с пипетки их покормить? Или через шприц, без иглы, конечно же. Есть у вас шприц?

— А, — равнодушно махнула рукой Глафира, — жить захотят — научатся. Раньше моды такой не знали — котят выхаживать. Вот козлята у нас, помню, были, дак тех в дом приносили и с бутылочки через соску кормили. Денёк-два, а потом уж под мамку возвращали.

— А почему сразу под мамку нельзя?

— Коза, часто бывает, в мороз ягниться. Боялись, чтобы не замёрзли. А иногда, если троих принесёт, того козлёнка, что она отпихнула, так с бутылочки и выкармливали.

— А почему она одного отпихнула?

— Так сосцов-то у козы два, а козлят трое. Вот она и выбирает, который послабее, и рогами его. Ни за что не подпустит! Он так и загинет.

— Да-а, сурова матушка-природа...

Президент сел на диванчике, всё ещё прикрывшись одеялом.

— Мне бы одеться, Глафира Фёдоровна...

— Одевайтесь, одевайтесь, — поспешила хозяйка к дверям, — а я ещё ведёрко воды принесу да ребят разбужу.

Она пошла через проулок к соседнему заколоченному дому, к колодцу. И увидела, что Никитич уже встал и, с тряпкой и ведёрком, моет машину.

Глафира подошла к нему и робко попросила: — Никитич, дорогой человек, отвези ты меня на кладбище. Я ведь ныне и светлую Пасху в больнице встретила, как раз на страстной увезли, и в Радоницу на койке с капельницей провалялась. А до Троицы ещё далёконько.

— Отвезу, чего ж не отвезти, — ответил водитель, протирая насухо чистой тряпкой заднее стекло автомобиля. — Только у Президента нужно разрешения спросить. Вдруг куда срочно ехать понадобится?

Глафира потопталась рядом и спросила ещё:

— Никитич, а ты давно на этой службе?

— Давно... Девятый год пошёл.
— А как вас сюда отбирают? Строго, наверно...
— Ещё бы! — усмехнулся Никитич. — Уж, наверное, не по объявлению в газете!
— А как? По знакомству?
— Нет. И это не прокатит.

Он выплеснул грязную воду из ведра, отошёл к канавке, почерпнул из неё немного воды, ополоснул ведро, тряпку, руки. Вернулся и договорил:
— Я — майор ФСБ, имею крепкую семью, чистую анкету и заслуги перед отечеством. А также боевые награды.

— Это где ж тебе пришлось повоевать?
— В Чечне... — неохотно ответил Никитич. — Давайте ведро. Я сам воды принесу.

Глафира отдала ему ведро, но посеменила рядом.
— А Алёша с Илюшей как же?
— Ребята хорошие, надёжные, из Кремлёвского полка. Я их лично отбирал. У Алексея вот только... небольшие проблемы в семье. Но он их в ближайшее время решит.

Никитич принялся лихо крутить ворот колодца. Ведро шлёпнулось о воду, погрузилось в неё полностью.

— Я его в эту поездку специально взял, чтобы он остыл и подумал, — говорил начальник-водитель, проворачивая ворот обратно.

— А чего случилось-то?
— Ну-у, жена там чего-то. Но — это не наше дело.
— Не наше, — согласилась Глафира. — А вообще жалко парня. Хороший. Работящий.
— Других не держим! — отрезал Никитич, давая понять, что тема закрыта.

Президент изъявил желание поехать на кладбище вместе с Глафирой Фёдоровной, но попросил дать ему два часа для работы с документами.

Илья с Алексеем после завтрака приняли колоть привезённые вчера с родника чурбаки. И до того лихо и красиво это у них получалось, что Глафира любовалась их работой и никогда бы не поверила, что оба охранника родились и выросли в городе.

Сама она приготовила всё, что нужно взять с собой на кладбище: насыпала в пакетик пшена, пяток конфеток положила, да ещё купленные с okazji искусственные цветы достала из шкафчика. Пока тянула время, собрала яички у курочек — квочки гуляли теперь в сетчатой загородке, натянутой по её просьбе всё теми же рукастыми Илюшей и Алёшей. И, наконец, ткнула в уже подготовленную гряду лук, до которого руки за всей суетой до сего дня не доходили.

Глафира ополоснула лицо и руки дождевой водой из бочки, окинула взглядом своё справное хозяйство, осталась довольна: всё приделано! А тут и Президент вышел на крыльцо и коротко, по-деловому, объявил:

— Едем!

Кладбище было светлое, сухое, радостное. Никакой печали, тоски, смертных мыслей оно в этот весенний солнечный день не навевало. Наоборот, хотелось бродить среди могильных оградок, заглядывать в портреты давно и недавно ушедших людей, высчитывать по двум главным датам земной срок их жизни, охоть, если кто-то помер совсем молодым, с удовлетворением произносить: «Ну, этот (или эта), слава Богу, пожил (пожила)...» — по повторяющимся на памятниках фамилиям прикидывать и вспоминать, кто кому какой родственник.

Деревенское кладбище, где никто не торгует землёй за баснословные деньги, не старается содрать подороже с горяющих родственников, не выманивает с них червонцы обманом и запугиванием, — лучшее пристанище для всех, кто закончил свой земной путь. Никто здесь не топчется зазря на могилах, но на Радоницу, в Троицу или в родительскую субботу обязательно обойдут и помянут всех родных, знакомых, соседей, посыплют пшена и семечек. Летом над кладбищем шумят сосны, перелетают с дерева на дерево весёлые пичужки, прыгают с ветки на ветку юркие белки. Зимой оно укрыто глубоким снегом, и тишину над ним нарушит разве что карканье вороны, по-хозяйски усевшейся на сухой сук. Деревенский погост и разрозненные семьи собирает вместе. Даже те, кто при жизни не ладил между собой, сживал тот того со свету, надоел друг другу хуже горькой редьки, здесь оказываются в одном углу, а то и в одной оградке. И уж тут не встанешь, не хлопнешь дверь, не уйдёшь гордо в ночь на долгие годы. Знай лежи да помалкивай.

Глафирины родные тоже лежали все в одном уголке, на окраине кладбища. Его так и называли — Логиновский угол. Здесь и её бабушка-сказительница, и работающая, бессловесная мама, и фронтовик-отец, два брата, оба сгоревшие раньше времени от русской пагубы — водки, старшая сестра, умершая совсем молодой от надсады, сын средней сестры, разбившийся подростком на мотоцикле, и ещё двое младенцев-племянников. Сюда же положила Глафира и своего мужа Гришу. В замужестве она носила красивую фамилию Касаткина, но так вышло, что её всё равно чаще звали Глашкой Логиновой. И из всей логиновской родовой осталась на свете она одна. Средняя сестра, после гибели сына уехавшая на Урал, была схоронена там. Только дед, погибший на Первой мировой, лежал невесть где в неоплаканной солдатской могилке...

Президент и Никитич молча слушали рассказ Глафиры Фёдоровны о её родных. Звучал он буднично, без надрыва. Все слёзы давно выплаканы, горе отгорёвано. Наоборот, она с радостью думала о том, какая большая семья ожидает её на том свете, а значит, будет ей там тепло и светло. Лица у всех Логиновых были открытые, распахнутые

навстречу каждому. А вот Гриша смотрел на мир сурово, из-под бровей...

Глафира протянула мужчинам пакетик с пшеном, те зачерпнули понемногу и, следуя её примеру, кидали жёлтые зёрнышки на могилки.

— Поближе, поближе ко кресту сыпьте. А-то птицы глаза покойникам выключают.

— Это как так?— не понял Никитич.

— Покойник ногами ко кресту лежит, на крест смотрит. Значит, лицо у него с краю могилы, и глаза там. Нехорошо, если птицы клевать будут.

— Ну, я тогда лучше с толик посыплю,— сказал Президент, высыпал пшено на фанерную столешницу, отряхнул ладони.

Глафира воткнула всем родным по пластмассовому цветочку и повела мужчин дальше, рассказывая и показывая.

— Вот Тамара, деда Семёна жена,— сказала она и неожиданно для себя всхлипнула, вспомнив вчерашнее признание старика.— Хорошая была...

С портрета на памятнике глянула улыбчивая женщина с крутой химической завивкой на голове.

Бабка посыпала пшена, положила конфетку, двинулась дальше.

— А тут вот Саня-Маленькая лежит. Полтора метра ростиком, везде бегом. Она всю жизнь одна прожила и всю жизнь корову держала. Ей все говорили: зачем тебе, Саня, корова, тяжело ведь, заведи козу. А она плевалась. Козьего молока на дух не переносила. И сладенькое любила.

На провалившийся уже холмик легла конфетка, следом потекла струйка пшена. Ни лица, ни дат жизни Сани-Маленькой на фотопортрете было не разглядеть—совсем стёрся.

— Тут вот семейная пара, Французовы. Никого больше с такой фамилией не встречала! Одни они у нас такие, приехали откуда-то во время войны. Эвакуированные, наверное. Точно не знаю... Запнулись жили. Детей не родили. Она померла, он без неё жить не смог. Ей сорок дён, а его хоронить привезли...

Глафира посыпала пшена, положила женщине конфету.

Они обошли ещё несколько могил— всё Глафирины деревенские соседи. А потом направились в противоположный угол погоста. Там росли ёлки, а потому было темнее и сырее.

Но среди ельника, освещая всё вокруг, таилась детская могилка с деревянным крестом-домиком. Оградки не было. Сама могилка просела, почти сравнялась с землёй, но была усыпана свежими цветами, в большом количестве лежали конфеты, сидели мягкие игрушки. В кресте-домике, за маленькой стеклянной дверцей, теплилась лампадка. Вместо портрета к кресту была прикреплена иконка.

— Манечка...— выдохнула Глафира. И поясню поклонилась могилке.

Президент окаменел. Он никак не ожидал, что легенда о замёрзшей сиротке вдруг обретёт столь неоспоримое доказательство. Шагнул к кресту, наклонился и вгляделся в иконку. Да, та самая Матушка-Сиротская кротко взглянула на него. Он растерянно перекрестился и отступил.

Глафира положила Манечке оставшуюся конфетку, воткнула в землю две искусно сделанные ромашки и, мелконько крестясь, одними губами прошелестела короткую молитву. Потом снова поясню поклонилась и только тогда отступила.

Никитич, не слышавший легенды о сиротке, ничего не понял и всё это время стоял в стороне. Правда, изменившееся настроение Президента и внезапная тревога, на мгновение затенившая его лицо, не ускользнули от профессионального взгляда охранника.

— Ребёнок, что ли, какой?— тихо спросил он Глафиру, когда они возвращались к машине.

— Манечка. Сиротка святая,— спокойно, с достоинством ответила та, не поясняя ничего больше. Привыкший не задавать лишних вопросов Никитич удовлетворился и этим ответом.

Когда они сели в салон автомобиля, Глафира втянула в лёгкие побольше воздуха и, набравшись смелости, заговорила:

— Дорогие мои, не откажите старухе ещё в одной просьбе. Тут, километра три по дороге, моя родная деревня. Отвезите. Век молиться буду. А то уж и не бывать мне...

Никитич вопросительно взглянул на Президента. Тот молча кивнул.

Через три километра Глафира попросила свернуть с основной дороги на просёлочную, рассекающую пополам большое скошенное поле.

— А поедь-ка, Никитич, вон туда, подале...— она махнула рукой за перелесок, отделяющий одно поле от другого.— Сможем ведь проехать?

— Ну, не знаю,— нахмурился водитель, узревший впереди глубокие колеи со стоящей в них водой, и проворчал:— Только утром машину помыл...

Но всё-таки поехал, медленно, осторожно. Один раз, перед особенно глубокой лужей, он вышел, сломил длинную ивовую ветку, попробовал ею глубину колеи и вязкость дна.

Решился. Поехал. И уже миновал перелесок, и дорога стала было подниматься вверх, на взгорок, где было суше. Но в следующей колее машина всё же засела.

— Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты!— смешно выругался он.

— Да мы уже приехали,— попыталась успокоить его Глафира.

— Вижу, что приехали!— уже раздражённо отозвался Никитич.

Глафира вышла из машины. Пошла куда-то вверх по дороге. В поле, поросшем яркой свежей травой, тёмно-серыми бочкообразными тушами

лежали не вывезенные вовремя прошлогодние рулоны сена.

Никитич и Президент тоже вышли из машины и смотрели, насколько глубоко та застряла.

— Не, самим не выбраться, — вынес вердикт водитель, потыкав лопаткой вокруг колеса.

— Пойди до дороги, мы недалеко отъехали, попроси вытянуть, — велел ему Президент, а сам пошагал следом за Глафирой.

— Родина здесь моя. Деревня стояла. Раменье... — сказала старуха, когда он подошёл близко.

И вдруг опустилась на колени, оперлась на руки и, наклонившись, поцеловала землю. Да так и застыла. Плакала.

Президент растерялся. Не знал, помочь ли Глафире Фёдоровне встать, оставить ли её в покое. И пока он думал, как лучше поступить, старуха стала трудно пониматься. Тогда он подошёл к ней, протянул руку. Она приняла помощь. Встала. Отряхнулась.

— Вон там наш дом стоял, — указала она в правый край поля. — Маленький, низенький, в три окошечка. А народу много жило. Одних нас, ребят, пятеро. Да мама с папой, да бабушка.

— А сколько всего домов в деревне было?

— Немного. То ли восемь, то ли девять. Я уж запамтовала. Но ведь деревни хоть и невелики были, зато на каждой горке.

Она махнула рукой в поле, которое они уже проехали.

— На въезде Крайняя стояла. Домов пять, не боле... Там вот, где лес теперь, — указала она вперёд, — Семейная. Все до единого жители с одной фамилией, все Кузьмины. Потому и Семейная. Если проехать ещё дальше и свернуть к реке, там Шукино. За бродом — Граблино.

— Наверное, там грабли хорошие делали, — догадался Президент.

— Верно... — согласилась Глафира.

— А в Шукино, я так думаю, отлично рыба ловилась.

— Тоже правильно. Только теперь ни самого Шукино, ни рыбы в реке нет. И грабли никому не нужны. — Ну почему же? — возразил Президент. — Посмотрите, ведь кто-то косил это поле. Рулоны лежат. И следующее тоже скошено. И на въезде, где Крайняя. Значит, есть поблизости ферма? Молочное хозяйство?

— Полно-ка, — отмахнулась Глафира. — Это горефермер тут один пытался чего-то... Кредит взял, коровок купил. Всё грозился: цех откроем, мясо бить будем! Пали те коровки. Какая-то французская порода, не для наших зим. Обанкротился мужик. Долго судился. Теперь вот косит на продажу. Долг помаленьку возвращает...

Глафира подошла к ближнему рулону, потеряла верхнее заплесневелое сено, добираясь до сухого, светлого. Но так и не докопалась.

— И того вывезти не смог, пропадёт теперь. Только на подстилку...

Она отошла от рулона, огляделась и заговорила глухо, с болью:

— Никому наша земля не нужна. Давно, при Ельцине ещё, приехали к нам раз голландцы. Парочка. Он и она. Пальто белые, сапожки замшевые. Всё про фермерство рассказывали, расхваливали современные методы сельского хозяйства. Ну и повели их в поле... Они как увидели наши каменья как увязли сапожками в нашем песке, охали да ахали. Как, говорят, вы тут вообще что-то выращиваете? А мы что? А мы ничего! Живём! Хлеб жуём!.. С тем и уехали. Сбежали — надо прямо сказать. Больше никто не приезжал...

— Вот, Глафира Фёдоровна, вы же сами всё понимаете: у вас здесь очень бедная земля, — спокойно заговорил Президент. — В неё нужно столько вложить... А будет ли отдача? Невыгодно очень. Нерентабельно.

— А как же раньше-то? — возмутилась старуха. — И слов таких не слыхивали — нерентабельно! Пахали, сеяли, хлеб растили, план выполняли. Урожай не урожай — вынь да положь! Ферма — в каждой деревне. Работа — всем была, никто не сидел просто так.

— Там — ферма, тут — поле. С миру по нитке...

— Голому — рубаха, — со злостью в голосе закончила Глафира пословицу.

— А сколько было дотационных хозяйств, вы знаете? Сколько приписок? Какое неумное управление сверху? Кукурузу помните?

— Как не помнить...

— Заставляли сажать?

— Заставляли...

— Росла?

— Нет... Наш председатель на свой страх ячменём да овсом подменял. В отчёте напишет: кукуруза. А как сдавать — так голову на плаху. Только и прощали, что другие хозяйства ячменя с овсом вообще не сеяли, а наш колхоз за всех план перевыполнял. — Разумно это? — припирал Президент.

— Начальству виднее... — уклончиво ответила старуха.

Над полем, над бывшей деревней Раменье, вдруг прокатился глухой рокот. Резко задул ветер, погнав по небу серые низкие облака. Солнце скрылось за ними. Сделалось холодно. Деревья зашумели, закачались.

— Никак гроза идёт? — подняла Глафира глаза к небу.

— Домой надо, — застёгивая куртку, сказал Президент и обернулся к перелеску.

Под горой какой-то внедорожник на ремне вытаскивал забуксовавшую в колее президентскую машину. Никитич сел за руль. Два мужика толкали её в чёрную, забрызганную грязью морду, пятили задом. Вытолкали. Вытащили. Поручались

с Никитичем и уехали. Водитель призывно помахал гуляющим в поле Президенту с Глафирой.

Снова прогремел гром. Фиолетовая туча, поглотившая, втянувшая в себя отдельные серые облака, наползала из-за леса. Ветер бесился, напирал, рвал с деревьев молодую листву, погнав по полю серые клоки прошлогодней травы, снежной порошей полетели по воздуху черёмуховые лепестки, толстыми жёлтыми гусеницами покатались по дороге ивовые серёжки...

Сверкнула молния.

Съёжившись, прячась от внезапно озверевшего ветра, Президент и Глафира шли к машине. Но стихия набрасывалась на них, надувала шаром куртку на спине главы страны, сыпала в глаза песок, рвала с головы бабки платок, теребила седые пряди и подол юбки. Глафира оскользнулась, бесцеремонно схватилась за рукав президентской куртки. Тот крепко взял её под локоть и так довёл до машины. И только они сели внутрь, хлынул дождь...

— Вот ведь непогодушка, — проворчала старуха, — не дала нам в церковь зайти.

— А что, тут храм есть поблизости? — спросил Президент.

— Церковь деревянная, старинная в лесу стоит. На той стороне дороги.

— Ох, как жаль, — сокрушённо отозвался глава страны, — но это безнадежно. Такая стихия не на один день.

— Как положено: черёмуха цветёт — жди снега, — сказала Глафира. — И то уж подзадержался холод. Яблони зацвели.

— Никитич, у нас там, кажется, плащи в багажнике были, — не то спросил, не то утвердил Президент.

— Есть. Но неужели в такой ливень ещё куда-то пойдёте? Не надо бы... Может, завтра доедем?

— Ничего не бывает потом. Доставай плащи. И сапоги тоже.

Никитич нехотя вышел под ливень, распахнул багажник, достал пакет с плащами и резиновыми сапогами, поспешно вернулся в салон автомобиля.

Церковь, невидимая с дороги, пряталась за еловым гребнем, в лесной чаще. К ней вела заросшая болотистая дорожка.

Три бесформенные фигуры в мокрых плащах, освещая себе путь фонариком, приблизились к покосившемуся деревянному крыльцу. Никитич попробовал ногой ненадёжные ступеньки и проворчал:

— Куда нас несёт?..

— Раз пришли, так не иди же обратно, — осадил его Президент.

Они с трудом протиснулись в приоткрытую осевшую дверь, вошли внутрь.

В церкви было темно, как ночью. Луч фонарика заскользил по когда-то выбеленным, а теперь покрытым плесенью стенам, по выбитым окнам,

в которых сохранились только ржавые решётки, по провалившемуся куполу. Сверху не просто капало — лило. Пола фактически не было — сырые полугнилые балки под ногами.

— Послушайте, тут же опасно! Это всё рухнет в любой момент! Я не могу вам позволить! Пожаруйста, пойдёте отсюда! — умолял Президента Никитич.

Но Глафира настойчиво увлекала их куда-то влево, вела по стеночке, где сохранился пол. Она открыла дверь в стене, и все они оказались в тесном низком помещении, где было сухо и не дул ветер. Луч фонарика осветил лик Николая Угодника на стене, скользя по ковчегу с лекарствами, который держал в руке Пантелеймон-целитель, метнулся в другой угол, осветил одноярусный иконостас, и на пришедших из темноты глянули огромные, ясные, глубокие глаза Спасителя.

Глафира уверенно прошла к окну, нашарила что-то рукой на подоконнике, слышно было, как чиркнула спичка, и через пару секунд в её руке зажглась тоненькая свечечка. Она протянула её Президенту. Зажгла вторую и подала Никитичу. Третью оставила себе.

Придел осветился тусклым ровным светом, и стало видно, что здесь иногда проходит служба. Посреди комнаты стоял ничем не покрытый деревянный аналой, в углу — высокий потускневший подсвечник.

— «Отче наш» все знаем? — строго спросила Глафира и, перекрестившись, начала читать молитву.

Президент и Никитич подхватили. Свечки в их руках потрескивали.

Следом Глафира, уже одна, прочитала «Богородице Дево, радуйся», трижды поклонилась, дотрогнувшись до пола пальцами, и погасила свою свечу. — Давайте свечки, — прошептала она стоящим рядом мужчинам. — Надо другим оставить.

И она погасила ещё два огонька, вернула недогоревшие свечи обратно на подоконник.

Никитич попробовал зажечь фонарик, но почему-то не смог.

— Странно... Зарядил ведь... — проворчал он.

Глаза стоящих привыкли к темноте, и все трое вдруг увидели сверху, под низеньким потолком, узкий квадратик ослепительного света. Он скользил вниз, спускался к ним и по мере приближения увеличивался, постепенно достигнув размера тетрадного листа.

Глафира вдруг заводила носом, как собака.

— Ладаном! Ладаном пахнет! Чую! — радостно зашептала она.

Никитич снова попытался нажать кнопку фонарика, но тот опять не сработал. Все трое замерли. Квадрат света остановился на расстоянии вытянутой руки от них, и в нём стало проявляться изображение. Оно становилось всё чётче, и можно было уже угадать очертание склонённого женского

челова, затем рук, на которых, также со склонённой головой, полусидел-полулежал Святой Младенец. — Матушка-Сиротская... Та самая... — прошептала Глафира, упала на колени и, скрестив на груди руки, ткнулась лбом в пол.

Неведомая сила придавила, склонила к полу и мужчин. Президент поддался не сразу, но сопротивляться этой силе было невозможно. Она давила на плечи с каким-то физически ощутимым знанием своей непререкаемой правоты. И правота эта вселяла в каждого человека священный, благоговейный ужас. Не тот ужас, от которого нужно бежать, не оглядываясь, а тот, которому можно и нужно взглянуть в глаза. Если позволят...

Президент опустился сначала на одно колено, затем на другое, склонил голову и, сам не понимая зачем, вытянул вперёд руки раскрытыми ладонями вверх.

Ни Глафира, ни Никитич, поверженные в поклоне, не видели, как квадрат света с изображением Богородицы и Младенца лёг в его руки. Да и сам он посмел взглянуть туда, только ощутив в руках непреодолимый жар. Казалось, этот светящийся слепящим огнём образ прожжёт ему ладони, но он не мог и не пытался скинуть его. Ему хотелось закричать от боли, но невозможно стало издать ни звука.

Внезапно жар прошёл. Свет потускнел. И хотя неведомая сила уже перестала давить на плечи, страх, сковавший все мысли и члены людей, отступил, они продолжали стоять на коленях.

Первым очнулся Никитич. Он вскочил, зажёл фонарик и направил его на руки Президента. В них лежала маленькая деревянная, опалённая по краям иконка. Ожога на ладонях не было.

Никто не посмел произнести ни слова. Никто не посмел разрушить очарование Божественного чуда.

Когда они вышли из церкви, стихия миновала, дождь почти закончился. Но тьма и холод не отступили. Гроза переломила погоду, и ненастье пришло надолго.

Пока шли до машины, то и дело взглядывали друг другу в глаза, словно немо спрашивая: ты тоже это видел? А глаза у всех распахнутые, то ли испуганные, то ли удивлённые. В остановившемся взгляде каждого всё ещё отражался огненный квадратик.

Поехали очень медленно.

За ужином Илья и Алексей долго с тревогой взглядывались в их изменившиеся лица и не решались что-либо спросить.

Президент от ужина отказался, попросил только крепкого сладкого чая. А потом, когда охранники и водитель ушли в палатку, сказал Глафире Фёдоровне, что ему холодно, и снова попросился на печку.

Хозяйка подала ему наверх тёплое одеяло и поспешно затопила печь.

— Что случилось с ним? — спросил ребята Никитича, когда остались с ним наедине.

— Я не знаю, — ответил тот.

— Умер кто-то?

— Нет. Наоборот.

— Родился, что ли?

— Нет. Не совсем... Ребята, ущипните меня. Может, я сплю?

Илья с Алексеем переглянулись. Щипать начальника не стали.

— Да, надо поспать, — сказал сам себе Никитич, — утро вечера мудренее...

День шестой. Огонь

(7 мая, чт.)

Милостив Господь. Это Он, сотворивший небо, и землю, и всё сущее на ней, премудростью и прозорливостью своей предусмотрел сменяемость дня и ночи, зимы и лета, биологических ритмов, настроения, направления ветра, праздников и будней, рабочих смен и даже обеденных блюд... Потому что невозможно человеку всё время жить на одном накале, звучать на одной ноте, быть натянутой струной. Не может он постоянно пылать страстью, тонуть в горе или задыхаться от счастья. Лопнет струна — испепелится душа или захлебнётся бедой. Проходит время. Отпускает боль, утихает радость, выравнивается сбитое дыхание, и успокаивается сердцебиение. Новый день встаёт на привычные, знакомые рельсы, и тянет по ним работяга-паровоз свои будничные вагоны. И даже озарённый нечаянным чудом человек живёт дальше: отправляется на работу, пьёт чай, готовит обед, стирает бельё, проверяет уроки у детей, покупает родителям лекарство, выгуливает собаку, подметает пол, ремонтирует жилые, ходит в магазин. И дух его, воспаривший однажды до горных высей, всё равно до конца земной жизни привязан, как корабль к якорю, к своей телесной оболочке.

А потому поутру все трое свидетелей чуда, случившегося в старой разрушенной церкви, ни единым словом, ни взглядом не напомнили друг другу о вчерашнем. Каждый по-своему справлялся с потрясением. Никитич, проснувшись, сходил к колодцу и вылил на себя два ведра ледяной воды, сделал зарядку и раз и навсегда решил, что всё ему приснилось.

Глафира, встав, как обычно, раньше всех, обнаружила, что отключили свет. Видимо, где-то грозой повредило линии электропередачи. И все мысли её теперь были заняты тем, как приготовить мужчинам завтрак. Она растапливала печь, а та, как специально, топиться не хотела, дрова гасли, дымили. Бабка ворчала, двигала ухватом поленья, снова и снова подпихивая под них зажённую берестинку. А когда огонь очень нехотя,

неустойчиво принялась обливать берёзовый колодчик, она затворила тесто на оладьи и теперь пекла их на сковородке с длинной ручкой, пихая ту к самому огню.

Хронически бодрые Илюша с Алёшей вызвались ей помогать. Хозяйка сказала одному заниматься самоваром, а другому чистить картошку. И всё любовалась, как ровнёнькой пружинкой снимает Алёша кожуру с картофелины. Такой рукастый, весёлый парень, а вот поди ж ты — и от таких гуляют. Дуры бабы!

Президент поднялся позже всех. Он спустился с печки, прислушиваясь к собственному состоянию: нет, в теле не осталось и следа от вечерней ломоты. Он пожелал всем доброго утра, искося взглянул на озабоченную Глафиру Фёдоровну и стал умываться. Рядом с рукомойником, на вешалке, висела его куртка. Президент хорошо помнил, как положил вчера во внутренний карман, поближе к сердцу, обрётённый образ. И ему нестерпимо хотелось проверить — там ли он. Но что-то останавливало его. Был ли это страх или нежелание спугнуть чудо, глава государства никак решить не мог. Он долго вытирался подаренным ему Глафирой рушником, а потом сделал вид, что решил повесить его не на гвоздь у рукомойника, а на свободный крючок вешалки. Сам же украдкой запустил руку в карман куртки. Сердце его беспокойно забилося. Но карман оказался пуст. Только на подушечки пальцев налипло несколько угольных крошек. Президент задумчиво растёр их, понюхал. Пахнуло гарью и, едва уловимо, ладаном. Он сполоснул руку, вытер её о полотенце и сел вместе со всеми за стол.

И всё-таки какое-то необъяснимое напряжение висело в воздухе, как будто все были в чём-то виноваты друг перед другом. Завтракали молча. Никто даже не похвалил пышные, зажаристые Глафирины оладьи. К тому же без света в этот пасмурный день в избе было сумрачно и тихо. Не гудел привычно старый холодильник. Мурка по-прежнему где-то шаталась. Котята, свившись в тесный клубок, согревая друг друга, крепко спали в коробке. Одна радость случилась с утра — терпеливый Илья всё-таки научил их есть из блюда. Они, ещё не умеющие толком лакать, все измазались в молоке и больше пролили, чем съели. Но стало ясно, что теперь не пропадут.

После завтрака все, так же молча, разошлись по своим делам: Президент сел поработать, насколько хватит заряда батареи в ноутбук и телефоне, а там, глядишь, и свет дадут. Никитич с Ильёй продолжили колоть дрова, которые вчера не дал до конца прибрать дождь. Алексей возил их на тележке в дровяник и аккуратно складывал в поленицы, но больше всего ему хотелось поскорее пройтись по деревне с металлоискателем. Он канючил, надоедал, и его, в конце концов, отпустили, сказав, что осталось немного и они закончат сами.

Глафира сложила оставшиеся оладьи в эмалированную миску и пошла проведать деда Семёна. Как-то он ночевал? Жив ли?

На улице было нестерпимо холодно, ветрено, промозгло. Того и гляди, и вправду снег пойдёт.

Старик бродил по избе и смолил сигарку. Будто и не собирался позавчера помирать. Будто и не говорил старухе сокровенных жалобных слов... — Ожил? — хмуро спросила Глафира и со стуком поставила перед ним, усевшимся за стол, миску с оладьями.

— Не знаю, куда полóжил... — отозвался дед, разыскивая что-то в многочисленных карманах своей замызанной жилетки.

— Чего потерял-то? Маша-растеряша...

— Ась?

— Чего потерял, говорю?! — закричала бабка ему в ухо.

— Три раза по рублю!

Глафира внимательно посмотрела на старика, заметила, что тот стыдливо прячет от неё глаза: жалеет о своей вчерашней откровенности. А она-то поверила, расчувствовалась... Губы её обиженно задрожали, в глазах сверкнули слёзы.

— Ой ты-ы... Арти-ист!

Она зло вывалила сверху на оладьи три ложки сметаны, сунула в руку деду вилку.

— Жри давай! Не топил опять?! Холодина такая... Всё ждёшь, что кто-то придёт сделает!

Она покидала в печное устье поленья, подожгла газетку. Дедова печь тоже фордыбачила, дым не сразу потянулся в трубу, пополз по избе. Глафира открыла дверь, стояла, выгоняла сизое облако из избы полотенцем. Убедилась, что снова ничего не чуёт. Чуда не случилось.

— И барабанку твою назад принесу! — в сердцах кричала она. — Наврал, поди, что для меня покупал?! И платок газовый этот — Тамарин! Я вспомнила! Даже фотография где-то есть, она в нём! Эх ты-ы... Поиздевался над старухой...

Но старик снова спрятался за своей глухотой, Глафира теперь не понимала — мнимой или настоящей, делал вид, что не слышит её оскорблённых речей. Сидел, уставившись в стену, жевал оладьи. Небритый подбородок его был измазан в сметане, жирные руки он вытирал прямо о штанины.

Глафира промокнула уголком платка слезящиеся и от дыма, и от обиды глаза, схватила пустую миску и, громко хлопнув дверью, ушла от деда.

Странные, жалкие людишки: вроде откроют душу, разоткровенничают, поплачутся, а потом сами же и злятся на того, кто принял их признания, пожалел, ненавидят за минуту своей слабости, за чувства, проснувшиеся в омертвевшей, заскоруждой душе!

Так и вчера! Ведь они все трое видели *это!* Каждый чувствовал то же, что и другой! Непредолимую силу и благоговейный страх перед ней!

Господь явил им великое Чудо! Такое, которое даётся единицам! Через век из небытия вернулась утраченная иконка! И даже то, что она тогда, давным-давно, сгорела вместе с часовней, утвердил Господь: опалены оказались края у образа! Из огня восстала Богородица! И вот Он доверил им это Чудо! И лично в руки Президенту вложил иконку, будто указуя, о ком надлежит в первую очередь печься земному властителю — о сырых и убогих, о вдовах и детях! И ведь он принял этот образ, а вместе с ним и обет.

А что же случилось сегодня? Полоумная старуха, закостенелый солдафон и глава огромной страны, именовавшейся когда-то Святой Русью, струсили? Отмахнулись от Чуда? От веры отступились? Проспали ночь и наутро живут как ни в чём не бывало? И совесть не жжёт?..

Потому и лишил Господь их вновь обрётённого образа. Видела, видела Глафира краем глаза, как мялся Президент около своей куртки, как воровски запустил пальцы в карман и ничего не нашёл там. Как смотрел на них, испачканные углём...

И стыдливо прятали потом все трое глаза друг от друга. Потому что если встать и сказать: да, было! я — свидетель! — то и жить дальше надо как-то совсем иначе. В пустыню удалиться. В скит. До последнего вздоха в молитве пребывать. Но слаб, жалок человек...

Конечно, и эту свою нестерпимую боль и удушьющий стыд Глафира не смогла бы облечь в столь высокопарные слова и фразы. Она только шептала пересохшими губами:

— Господи! Спаситель наш! Пресвятая Богородица! Простите нам, ибо не ведаем, что творим!..

С сокрушённым, надорванным сердцем вернулась Глафира домой, а там была нервная суета. Оказывается, вместе со светом исчез и интернет. И Президент не мог переслать свои замечания и пометки по законопроекту, а ещё на этот день у него были назначены переговоры по видеосвязи с Ангелой Меркель.

Глава страны метался по избе и раздражённо повторял:

— Как не вовремя! Ну как же не вовремя!

Илья с Никитичем притащили из машины какую-то аппаратуру, пытались настроить её напрямую на спутник, запустить виртуальную связь. Психовали, злились.

— А как раньше-то жили? При лучине, при керосинке? Без этих тырнетов ваших? — буркнула Глафира.

— Да что вы всё «раньше», «раньше»! — вдруг резко оборвал её Президент. — Оглянитесь вокруг! Мир другой! Жизнь другая. Темпы, скорости, запросы. Всё на планете изменилось... Ну трудно вам про планету понять — на правнуков своих посмотрите, поговорите с ними: они же живут совсем другими интересами. И если они будут по-прежнему сидеть

с вами при лучине, они просто не выживут в современном мире!

— Конечно, не нужны мы стали никому, только небо коптим, — проворчала старуха, обиженно поджала губы и ушла в спальню. — И вся наша жизнь тоже не нужна. Потому и жрёт нас, стариков, этот ковид. Ведь сплошь старики мрут... Я теперь поняла почему. Расчищает, значит, местечко для новой жизни.

Она легла на кровать, закрыла глаза, вытянула вся и сложила руки на груди, будто покойница.

Как же, пробовала она поговорить с правнучкой-студенткой. Одно расстройство. Год назад, когда на юбилей к Вальке ездила. Шестьдесят лет сыночку стукнуло. Толстый, лысый. На пенсию провожали. И завели тогда за столом разговоры про пенсионную реформу, ругали Президента, да что ругали... проклинали даже! Вот, мол, Вальке-то хорошо, проскочил! А кто опоздал родиться, тем пенсии не видать! Один кукиш! Спасибо, родное государство! И главе российскому лично низкий поклон!

Не хотела Глафира слушать, как перемывают косточки дорогом Президенту, сердце заходило от обиды за него. Ушла в комнату. А там Наташа. Тоже слышать ничего не хочет — забралась с ногами на диван, в руке телефон, в ушах наушники. Подсела к ней бабка, спрашивает, как жизнь молодая. Наташа один наушник из уха вытащила. «Чего?» — говорит. Старуха переспросила. «Нормально, баб...» — ответила правнучка и снова ухо заткнула. «Замуж не собираешься?» — «А? А-а-а... фр-р-р! Чего я там забыла?» — «Учишься на кого?» — «На юриста...» — «На юмориста?» — Засмеялась Наташа: «Можно и так сказать!» — «Это те, что в „Кривом зеркале“ народ смешат?» Наташа того пузе залилась: «У нас вся страна — кривое зеркало, и всем смешно! Прям ухотались!» Глафира осерчала: «Ты зачем так нехорошо говоришь? Это где вас такому учат? В институтах?» Наташа нахмурилась: «Ба, отстань, а?..» И опять отгородилась наушниками. Как дед Семён своей глухотой! Не докричишься...

— Подключили! — воскликнул вдруг Илья, Глафира даже вздрогнула от неожиданности.

Все снова засуетились, забегали, задвигали табуретки. И через минуту бабка услышала, как Президент по-немецки поприветствовал кого-то. А когда ему ответил так же по-немецки женский голос, старуха поняла, что переговоры с Меркель начались.

Глафира в школе учила немецкий язык, но, конечно же, ничего не помнила, кроме коротенького рифмованного стихотворения. Бабка напрягла мозг, даже глаза закатила, словно пытаясь заглянуть в свою девичью память, и зашептала одними губами:

Либе зонне, шайне видер,
Шайн ди дюстерн волькен нидер!
Комм мит дайнем гольднен штрааль
Видер юбер берг унд таль!¹

А вот что означали эти заморские слова, она запамтовала совсем. «Зонне» вот точно по-немецки — «солнце». Хорошее, значит, стихотворение, про природу.

Президент шпехал по-немецки лихо. Иногда смеялся. Ангела тоже смеялась в ответ. Потом они говорили строго, отрывисто. Явно поспурили о чём-то. Звучание чужого наречия убаюкивало Глафиру, и она не заметила, как задремала.

Она открыла глаза, потому что почувствовала, что кто-то находится вместе с ней в спальне, совсем рядом. Это Президент сидел на табуретке у окна, смотрел на ставшую неприветливой, как охладевшая женщина, деревню. В комнатке стоял такой сумрак, что было непонятно — вечер уже или всё ещё серый день.

— Вы простите меня, Глафира Фёдоровна, — тихо заговорил гость, заметив, что она проснулась. — Я не должен был повышать на вас голос.

— Да что уж там, — ответила отдохнувшая Глафира миролюбиво, — у вас работа нервная. Я же понимаю. Не дай бог каждому... Вас бы к нам на всё лето и без этих ваших телефонов и тырнетов. Чтоб не дёргали! Оставили в покое. Рыбки половить, покупаться, за грибами, за ягодами походить...

— А вы знаете, Глафира Фёдоровна, жил когда-то на свете один римский император... — задумчиво произнёс Президент. — И правил он долго. Лет двадцать. Но вдруг всё бросил и уехал к себе... ну-у, как бы мы сейчас сказали, на дачу. И стал выращивать капусту. И очень хорошо это у него получалось. Так, что он даже не захотел возвращаться в политику, когда ему предложили...

— У нас в соседнем селе Таня-Косая жила, так такая, как у неё, капуста ни у кого не росла! — подхватила Глафира понятную ей тему. — Двумя руками не обхватишь! Белая! Сочная! Бывало, по три бочки насолит. И кто ни спрашивал, никому секрет не говорила. Улыбается, моргает косыми глазами, вроде как дурочка...

.....

Liebe Sonne, scheine wieder,
schein die düstern Wolken nieder!
Komm mit deinem goldnen Strahl
wieder über Berg und Tal!

(Милое солнце, свети вновь,
Свети сквозь хмурые облака!
Брось свои золотые лучи
Снова в горы и долины!)

— Но я не умею растить капусту... — продолжал погружённый в свои мысли глава страны. — И поэтому, хочешь — не хочешь, завтра надо уезжать. — Уже завтра?! — задохнулась Глафира от осознания того, что неделя пролетела так быстро.

Ей стало совсем неловко лежать перед высоким гостем. Она села на кровати, прикрыв ноги одеялом. — Да... С утра соберёмся и поедем. К вечеру надо быть в Москве... — проговорил тот. — Ведь послезавтра — День Победы. Семьдесят пятая годовщина. Мне нужен парад принимать.

— А ведь правда... Я что-то совсем того... Даже и забыла. — Глафира пожевала губами и с надеждой спросила: — А двойник не может?

— Что?

— Ну-у... Парад принять.

— Нет, — отрицательно покачал Президент головой. — Это — моя святая обязанность!

— А вы ещё приедете?

Гость посмотрел ей в глаза, улыбнулся и ничего не ответил.

— Если саммит какой или экономический форум у нас захотите провести — мы только рады будем. Жить есть где, домов пустых в округе много! А я пирогов для всех напеку. И Ангелка пусть приезжает. Она баба простая. И этот щёголь, как его, Макрон. Мы ему мозги быстро вправим.

Президент снова посмотрел на Глафиру, снова улыбнулся и пообещал:

— Ну, это уж только когда ковид победим...

— А мы его победим?

— Должны... Сейчас вот вакцину доработаем. Думаю, к августу закончим. Люди начнут прививаться, постепенно выработается коллективный иммунитет...

— Это хорошо... А то страшно новости включать. Столько народу каждый день умирает...

— Да когда же свет дадут? — Президент встал и пощёлкал выключателем. — Долго это у вас бывает?

— Когда как... Осенью после урагана пять дней сидели.

— Скоро совсем стемнеет. Хоть спать ложись...

— Поэтому раньше с солнышком и вставали, и на боковую отправлялись... Ой, — хлопнула себя Глафира по губам, — опять я про раньше... Извините меня.

— Да нет, нет. Ничего. Говорите... Но вот вы только представьте, Глафира Фёдоровна, какой рывок за сто лет: от лучины и деревянного колеса — до компьютеров и интернета! — голос Президента в темноте зазвучал особенно торжественно. — Тысячелетиями человечество жило в темноте — в пещере, в землянках, в избах курных. Ничего, кроме тяжёлого изматывающего труда, не видели. Голодно, холодно, дико... А электричество за один век всё переменяло. Прогресс пошёл по земле семимильными шагами! Знаменитую «лампочку Ильича» помните? Как раз в этом году ей сто лет исполняется!

— Как не помнить! — усмехнулась Глафира. — Знаете, когда она у нас в деревне появилась?

— Когда?

— В шестьдесят седьмом!

Президент онемел.

— Почему хорошо помню — как раз Валька мой в школу пошёл. И он уже учился при электрическом свете. А мы с братьевьями все при керосинке выучились. Засядешь вечером за уроки, отец ругается: мол, дня не хватило! И отберёт. Берегли керосин-то.

— То есть человек уже в космос полетел, а вы всё при керосинке жили?! — не веря своим ушам, спросил Президент.

— Именно так. Вот и сидели на печи да сказки слушали.

Глафира сползла с кровати, выдвинула ящик комода, достала белую парафиновую свечу. Зажгла её. В спальне стало достаточно светло, чтобы различить предметы, черты лица.

Глафира подошла поближе к Президенту, подняла огонёк, заглянула гостью в глаза и впервые за все дни заметила, что она выше его ростом.

— Вот при таком свете и пряли, и вязали, и валенки отец подшивал. А от керосина, бывало, ещё и угоришь! Да чего мы тут-то?.. Пойдёмте в залу.

Бабка пошла из спальни, продолжая рассказывать:

— Но это только зимой. Летом-то ведь дома не сидели. Работы непочтатый край! Все в поле. Отец — в конюшне. Мы с мамой — на ферме...

Она достала с кухонной полочки стеклянную банку, покапала на дно воском, прилепила свечу и поставила на стол. Присела рядом.

Президент сел напротив. Снова взглянул в окно — серый день быстро перетекал в тёмную неуютную ночь.

— Понимаете, Глафира Фёдоровна, вы держитесь за прошлое, потому что там было ваше детство, юность, молодость. Там были живы ваши родители, — заговорил после долгого молчания Президент. — Любовь, наверное, была.

Он внимательно взглянул на Глафиру, и та опустила взгляд.

— И это нормально, что многое хочется вернуть. Всегда помнится хорошее и самое дорогое... Но скажите честно: даже если обратно и молодость, и былую силу, и здоровье, пошли бы сейчас руками коров доить? Вёдра таскать? Жать серпом? Палочки получать на трудодни?.. Помните, вы рассказывали, как надорвались? Как сестра ваша от надсады умерла? Разве туда вы хотите?

— Нет, конечно, не туда, — отрицательно покачала головой Глафира. — Но вот при Брежнев, например, мы хорошо жили.

— А при мне, значит, живёте плохо? — горько усмехнулся Президент.

— Не-ет, что вы! — поспешила оправдаться бабка. — Куда с добром! Особенно после как восьмой десяток разменяла. Сразу пенсию прибавили! На всё хватает. Ещё и Вальке когда даю. Но вы же спросили про прошлое... Я и вспоминала. При Брежнев-то мы с мужиком моим и дом новый поставили. Вот этот самый. И мотоцикл купили. Если уж куда возвращаться, так только туда-а!

— Нет! И туда нельзя.

— А куда же можно? Каждый день по телевизору про какое-то возрождение России поют. А какую собираются возрождать-то?... — бабка подумала с минуту и продолжила: — Я так думаю: надо выбрать такой кусочек, где всем людям хорошо жилось, и его вернуть.

— Нет таких кусочков в истории человечества! — отрубил Президент. — Всегда кому-то плохо, кому-то хорошо. На всех не угодишь!

— Ну не зна-аю... — протянула Глафира. — Вот при Брежнев дак я бы, пожалуй, снова пожила...

— Да что вы прицепились к этому Брежневу!

Президент вскочил со своего места и в волнении заходил по комнате.

— Нет! Будущая Россия — совсем другая. Мир ещё не знал такой! Это не царская, не коммунистическая Россия... Я и сам ещё до конца не знаю, какой она должна быть. Вы всё-таки это хорошо сказали, про кусочки. Только не нужно искать какой-то конкретный отрезок и ориентироваться на него! Надо взять из каждого периода нашей истории лучшее и соединить. Вот тогда будет и мощь, и вера, и правда! Но это очень трудно... Почти невозможно... Слишком беспокойно в мире, слишком много у России врагов.

— И Ангелка — враг? — спросила бабка, сдвинув брови.

— Что? — не понял Президент, воодушевлённый собственной речью.

— Меркель тоже вредительша? — чуть иначе задала свой вопрос Глафира.

— Да не в этом дело. Не отдельные личности нам мешают, а целая глобальная система управления...

— НАТО? — нашлась Глафира.

— НАТО? — обернувшись, переспросил Президент, подумал и ответил: — Отчасти...

— А друзья-то у нас есть?

— Есть... — вздохнул глава России и сел обратно к столу. — Есть. Но врагов всё равно больше...

Глафира глубоко задумалась о чём-то, тревожно взглянула в глаза Президента и осторожно, шёпотом, спросила:

— А если кругом враги, то что... и война снова будет?

Президент отвернулся к окну и смотрел в ночь, а может, и в себя.

В доме, во всём мире установилась какая-то неслыханная, неземная тишина.

Даже воздух как будто остановился, загустел, сделался липким.

И в этой почти космической тишине вдруг тоненько, тоскливо заплакал ребёнок.

Глафира похолодела, почувствовала, как побежали по спине мурашки, как онемение потекло по конечностям. Дыхание остановилось.

Президент молчал. Плечи его ссутулились, опустились.

Ребёнок плакал отрывисто. Всё настойчивее и призывнее. Всё ближе.

У Глафиры сдавило сердце. Ком встал в горле.

И тут о её ноги боднулась кошка и резко, по-младенчески, взмякнула.

— Фу, лешая зараза! Явилась! — выдохнула вместе с досадой и весь свой ужас Глафира.

Отпихнула глупую животину. И мир сразу зазвучал: затикали ходики, капнула вода из ручейника в раковину, услышав мать, замяукали в коробке котят, но главное — загудел холодильник! Значит, дали свет!

Глафира резко вскочила с места, щёлкнула выключателем и зажмурилась от рези в глазах.

— Думаю, не допустим... — тихо и медленно ответил, наконец, Президент.

— Ну, дай-то бог, — поспешила согласиться с ним Глафира, открыла холодильник, плеснула молока кошке. — Чайку пора испить! — весело воскликнула она и, наливая воду в чайник, загремела ковшом по ведру, словно нарочно разгоняя ещё несколько минут назад накрывшую этот мир смертную беззвучность.

Президент никак не отреагировал на её призыв, встал от окна и вышел из избы.

Глафира приникла к оконному стеклу, но так и не смогла разглядеть, куда он отправился один по такой тьме и холодине.

День седьмой. Клад

(8 мая, пт.)

А утром поссорились Илюша с Алёшей. Надо собираться, а у малюго свербит, просится ещё на часок по деревне с металлоискателем побегать.

— Ты и так вчера полдня дурочку валял! — рявкнул на него напарник. — Мы с Никитичем все дрова убрали. Давай складывай палатку.

Алёша, нечего делать, зубы стиснул, распутывает верёвочки. Потом снова запел:

— Я вчера у конюшни две подковы нашёл!

— Вот и прибей их себе на копыта! — злился Илья.

— Это ты злишься, потому что тебе самому охота поискать! Пошли вместе!

— Может, и охота! — после паузы ответил старшой. — Но я на службе! И ты, между прочим, тоже!

Они свернули палатку, затолкали её в чехол. Прихватили складные стулья, фонарь и отнесли всё к машине.

Никитич укладывал вещи в просторный багажник. Но палатка была объёмная, к тому же, ссорясь, ребята сложили её неправильно. Пришлось вынимать из багажника часть сумок и пакетов и всё перекладывать. Пока Никитич с Ильёй этим занимались, пострел Алёшенька удрал со своей игрушкой!

— Никитич, влепи ему выговор, когда в Москву вернёмся, — окончательно рассердился Илья.

Глафира стала невольным свидетелем этой их ссоры, когда искала в курятнике свежие яички. Поветь была как раз над её головой. Да и ребята в запале разговаривали слишком громко — не хочешь, да услышишь.

Сама она, поднявшись с рассветом, торопилась довязать второй носок. И только закончив его, вышла из спаленки.

Президент тоже складывал свои вещи. Был он озабочен и явно мыслями находился уже не здесь...

Бабка робко подошла к нему, протянула своё рукоделие.

— Связала вот... Уж понравятся ли, нет ли. Не побрезгуйте. А размер — точно ваш. Я по тапочке мерила.

— Какая красота! — воскликнул гость. — Какой нужный подарок! Ну, Глафира Фёдоровна... прямо не знаю, как вас и благодарить.

Бабка от смущения зарделась и опустила глаза в пол. Ей хотелось, чтобы Президент её обнял, но не просить же его об этом! И она поскорее отвлеклась на дела: принесла из кладовки старый посылочный ящик и поставила его на пол около крышки подвала. Спустилась вниз и стала выставлять наверх многочисленные баночки.

Гость заметил её шевеления и спросил:

— Вам помочь, Глафира Фёдоровна?

— Нет, спасибо! — ответил бабкин голос из-под половиц.

Но через минуту её голова вновь показалась над дырой в полу.

— Вы лучше подайте мне газетку. Вон там, в печурке... Надо баночки завернуть, чтобы не поколотились.

Гость послушно подал хозяйке газету. Она, почему-то продолжая стоять на ступеньке лестницы, ведущей в подпол, стала заворачивать гостинцы в эту газету и по ходу дела поясняла:

— Это вот грибочки солёные. Отборные! Пусть ваш Никитич не беспокоится. Волнушечки тут, путнички, сыроежки. Ничего худого...

Она поставила две завёрнутые банки в посылочный ящик и взялась за следующие.

— А тут — чистые груздочки! Это — лично вам! Никому не давайте!

— Ладно, — усмехнулся Президент.

— Это вот варенье малиновое. Малина лесная, лечебная! Не чета садовой. Это вы тоже себе. Если, не дай бог, заболеее... Ну да сами знаете.

— Понюхать можно? — спросил гость, принимая от неё пол-литровую банку.

— Дома понюхаете, — строго ответила бабка. — Видите, она под железной крышкой? Всё стерильно. Пусть Никитич спит спокойно!

Президент послушался. Завернул банку в газетку и поставил в ящик к другим.

— Это вот огурчики. . .

— Глафира Фёдоровна! Не надо огурчиков. Куда столько всего?

— Вам же понравились! — подозрительно взглянула на него щедрая хозяйка. — Или душой покривили?

— Понравились! Честно! Но что же вы последнее отдаёте?

— Во-первых, не последнее, — с достоинством возразила Глафира, выбираясь из подпола, — во-вторых, таких огурчиков вы в своей Москве ни в одном этом вашем супермаркете не найдёте! Берите ящик, несите на стол.

Президент снова послушался. А Глафира прихватила с полу ещё несколько банок с разными заготовками и принесла их следом, составила в ящик. Она даже попыталась всучить трёхлитровую банку голубичного компота, уверяя, что он невероятно душистый и, несомненно, тоже лечебный, но тут уж глава страны взмолился о пощаде.

— Ладно, — смирилась бабка, — я ещё сушёных грибочков вам всем приготовила. Четыре вот пакетика. Тут белые и подосиновики, ну, может, какой моховик или масленик затесался. Так что на экспертизу не обязательно отдавать. . .

— Ну простите вы уже Никитича, Глафира Фёдоровна, он не со зла. . .

— Да я и не обижаюсь!

Она затолкала пакетики в оставшееся между банками пустое пространство и воскликнула:

— Ой! Ещё ведь яблочек сушёных надо! — и кинулась к кухонному шкафику.

Президент схватился за голову.

— И яичек! Яичек ведь наварила вам в дорогу! Ведь чуть не забыла!

Она слила воду из кастрюльки в раковину и, вытирая сваренные яйца полотенцем, стала укладывать их в прозрачный целлофановый пакетик. — Это ведь всё домашнее! Всё своё! Экологически чистое! Без пиз. . . как их, ой, без пестицидов!

Глафира и сама устала от своей суеты и болтовни. Вздохнула. Села на табуретку.

— Ну вот. . . Вроде всё. . .

Она погладила ладонью скатерть на столе и, не глядя на дорогого гостя, тихо произнесла:

— Уезжаете, значит. . .

Президент не успел ничего утешительного сказать в ответ, потому что дверь в избу распахнулась и через порог шагнул Илья, несущий впереди себя горячий самовар. За ним следом вошёл Никитич.

Все снова засуетились, накрывая на стол, стараясь рассеять грусть хозяйки, шутили с ней, благодарили за гостинцы.

— Одно совестно: так и не вскопали мы вашему соседу огород! — виновато сказал Илья. — Не успели просто.

— Так ему и надо! — сказала всё ещё обиженная на старика Глафира. — Не берите в голову.

Но уже через минуту со вздохом добавила: — Не дам я старому с голодухи помереть. За кого нам и держаться, как не друг за друга?..

Илья между делом сполоснул кипятком заварочный чайник, спынул в него заварки.

И тут снова распахнулась дверь в избу.

— Нашёл! — гаркнул с порога Алёша так, что у всех в ушах зазвенело, а Илья от неожиданности выпустил из рук заварочный чайник. Хорошо, что залить не успел.

Старая посудина упала и развалилась на две ровные половинки, крышечка со стуком откатилась к печке. Илюша охнул, растерянно поднял осколки и виновато посмотрел на Глафиру.

— Да бог с ним! — махнула она рукой.

Алёша был весь красный от возбуждения и протягивал на руках заржавевшую металлическую коробочку, похожую на маленький сундучок. Он гордо донёс её до стола, сдвинул посуду и бережно поставил клад на середину.

Все замороженно смотрели на его находку. — У сгоревшей школы откопал! — глаза Алёши светились счастьем. — Но внутрь даже не заглядывал! Специально сюда нёс!

Он попытался открыть коробочку, но она не поддавалась. Повертел, посмотрел. Под заржавелой металлической крышкой, на которой сохранилось выдавленное чеканкой клеймо «Братья К. и С. Поповы», оказалось отверстие для крохотного ключика.

— Ломать придётся. . . — рассудил Илья, взяв из рук Алёши коробочку.

— А ведь братья Поповы — Семён и Константин — были известные купцы, — сообщил всем Никитич, в свою очередь принимая и рассматривая драгоценную находку. — Торговали в Москве китайским чаем. Конец девятнадцатого века, между прочим! И одной этой коробочке — цены нет. Только очень уж она заржавела. . .

Алексей нетерпеливо отобрал у него свой клад, подкопнул крышечку ножом, повозился с минутку, крышечка откинулась и криво повисла на одной петельке.

Все заглянули внутрь.

Сверху лежал двойной тетрадный лист в полоску, исписанный аккуратным круглым почерком, а под ним — мешанина из странных, каких-то не очень старинных предметов. Из середины торчал кусочек красной тряпочки. Илья потянул и вытащил. . . пионерский галстук. Зацепившись за него,

на стол выпало несколько вещей, посмотрев на которые, все поняли, что на девятнадцатый век клад явно не тянет.

Разочарованный Алёша развернул тетрадный листок и стал читать:

«Люди 21-го века!

Мы, учащиеся сельской школы передового колхоза „Красный рассвет“, октябрята и пионеры, приветствуем вас из далёкого 1970-го года. Мы решили оставить это послание вам в день столетия вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Когда вы его откроете—через пятьдесят, семьдесят или сто лет? Вот было бы здорово, если бы это случилось в день двухсотлетия Ленина!

Мы смотрим в будущее и мечтаем о том, чтобы оно было светлым и счастливым для всего человечества! Прошёл целый век. На всей земле царит коммунизм—самый справедливый строй, где от всех по возможностям, всем—по потребности. Исчезли деньги. Люди Земли живут в мире и согласии, не осталось угнетённых и бедных, изжит проклятый капитализм. Никто не голодает! Победены все болезни! Уничтожено всё оружие! Человечество разговаривает на одном языке, все люди—братья! Наука и техника шагнули далеко вперёд. Автомобили уже давно не ездят по земле, а летают по воздуху. На Луне и на Марсе выросли города, добываются полезные ископаемые. На очереди—Юпитер, Сатурн... Осваиваются дальние уголки космоса. Люди вступили в контакт с инопланетным разумом.

Мы смотрим в будущее и понимаем, что для того, чтобы эти мечты стали реальностью, нам нужно много трудиться, отлично учиться, быть добрыми, справедливыми, бороться за мир во всём мире и равноправие людей!

Вместе с этим письмом мы оставляем вам то, что особенно дорого нам: октябрятский и пионерский значки, пионерский галстук, юбилейный рубль с изображением Ленина на одной стороне и гербом СССР на другой, календарик с Гагариным. Мальши добавили ещё конфету „Мишка на Севере“ и ёлочную игрушку в виде кукурузы.

Кроме того, мы прошлым летом, во время каникул, помогли красным следопытам и нашли в лесу солдатский медальон. Он хранился в нашем школьном музее, но мы подумали, что он вам нужнее. Это память о тех, кто пал смертью храбрых за наше и ваше светлое будущее!

На дне лежит вырезка из газеты „Пионерская правда“—в ней напечатана статья о том, как наши ребята собрали металлолом, а вырученные средства направили в Фонд Мира. И ещё наша общая фотография, чтобы вы знали, какими мы были.

Писала старшая пионервожатая Морозова А. С.»

Алёша аккуратно свернул тетрадный листок, отложил его, расстелил на столе пионерский

галстук и стал аккуратно раскладывать на нём все перечисленные в письме предметы.

На скалах Президента заходили желваки. Глафира плакала. Никитич стоял с поникшей головой.

Илья достал со дна опустевшей коробочки сложенную пополам чёрно-белую фотографию, развернул. Лица детей, попавшие на сгиб, различить было невозможно, но остальные пропечатались чётко. Ученики стояли на крыльце деревянной двухэтажной школы в три ряда. На нижней ступеньке—октябрята-малыши. Выше—пионеры. Все были одеты в парадную школьную форму. Почти все улыбались. Кто—смущённо, кто—открыто и весело. Лишь несколько очень серьёзных, сосредоточенных лиц. В середине—учителя и, наверное, та самая старшая пионервожатая Морозова А. С. Короткие косички, широко распахнутые глаза, восторженный взгляд...

Глафира взяла из рук Ильи фотографию, попыталась принести из спаленки очки. Вгляделась в лица детей и ткнула в одного серьёзного, даже насупленного мальчишку-пионера:

—Это вот Валька мой. Третий класс, наверное... Или четвёртый... Не могу сосчитать,—она шмыгнула носом.

Коллективный фотопортрет пошёл по рукам. —Этот?—переспросил Президент, когда фотография оказалась у него.

Глафира кивнула согласно и добавила: —Он не больно учился-то. Так, тройки. Физкультуру только любил да рисование. А пионервожатая эта—Настя Морозова, дочка моей подружки Нинки. Ей тут лет четырнадцать, наверное.

Алёша сложил всё обратно в коробочку, как было. Только оставил солдатский медальон. Очень осторожно отвинтил крышечку, дрожащими пальцами вынул из него скрученную в трубочку узенькую бумажку.

Прочитать фамилию и имя бойца было почти невозможно—вписанные химическим карандашом данные от времени и влаги расплылись, буквы сделались нечёткими. Все вместе с трудом разобрали, что звали бойца-красноармейца Иваном и родился он в 1920 году.

—Неизвестный солдат...—прошелестела Глафира.—Одно имечко от человека осталось...

—Нынче ему как раз сто лет исполнилось бы...—едва слышно проговорил Илья.

—Что с этим делать?—растерянно спросил Алёша, закручивая крышечку медальона.

—Постараемся восстановить данные и разыскать родственников...—тихо ответил Президент.—А шкатулку оставим на память Глафире Фёдоровне.

—Я её в наш местный музей передам,—ответила хозяйка, благодарно принимая от Алёши клад.—Пусть люди знают, какими мы были...

Долгие проводы — лишние слёзы.

Дорогие гости стояли около заведённой машины.

— Может, всё же возьмёте компотика? — безнадежно спросила Глафира, вышедшая к ним в обнимку с трёхлитровой банкой, наполненной жидкостью чернильного цвета. — В дороге выпьете!

— А и выпьем! — радостно подтвердил Илья и принял от неё пузатую трёхлитровку. — А чайничек я вам новый куплю, под гжель расписанный, и почтой пришлю! Обещаю!

— Да вот ещё, — кокетливо отмахнулась бабка, но в душе обрадовалась: будет что ждать...

— Ну, Глафира Фёдоровна, спасибо вам за всё, — шагнул к ней Президент, — за гостеприимство ваше, за добрую душу, за старину и за святую науку.

При этих словах он приложил руку к сердцу и внимательно взглянул Глафире в глаза. Там, под рукой, был ещё и потайной карманчик, в котором остались крохотные уголёчки от...

Старуха согласно прикрыла веки. Мол, всё поняла.

И Президент наконец её крепко обнял. У Глафиры земля ушла из-под ног. Она даже посмела голову ему на плечо приклонить. И так не хотелось ей, чтобы отпустили её эти руки, так хотелось оставаться под их защитой и силой. Но...

Жизнь отсчитывала секунды и минуты.

Гости сели в машину и уже махали ей, прощаясь, но вдруг Глафира крикнула:

— Стойте! — и подбежала к приоткрытому окну дверцы. — Никитич, подожди! Я сейчас!

Она устремила в избу и через пару минут выскочила оттуда с тремя котятками в руках.

— Триколор забыли! — захихикала она, вернувшись к машине.

Сунула рыжего Алёше и сказала:

— Жене подаришь! Он ей сердце отогреет — такой огонёк! А сам запомни: сколько раз жена котёнка погладит, столько и ты её. Баба ласку, как кошка, любит.

Алёша взял котёнка, заглянул ему в глаза:

— Значит, и назовём тебя Огоньком!

Глафира перебежала к правой передней дверце, где сидел Илья:

— А тебе тогда достанется Дымок, — она протянула ему дымчатого котёнка. — Это чтобы ты помнил: дыма без огня не бывает! Не сорьтесь! Держитесь друг за друга.

И наконец, Глафира подошла к Президенту:

— Когда укрывает землю первый снежок, всю грязь, всю слякоть, так на душе становится светло, чисто, легко...

— Я понял. Этот будет Снежок.

Он принял из рук старухи котёнка, ещё раз попрощался, поднял тёмное стекло. Чёрная машина выехала со двора и направилась к главной дороге.

— Вот ведь хитрая бабка, — покачал головой Никитич, — нашла, как котят сплавить.

— А ты не завидуешь, раз тебе не досталось! — засмеялся ему в ответ Илья. — Ешь грибы!

Парни захохотали.

Президент строго взглянул на них и похлопал водителя по плечу:

— Давай, Никитич, гони. Столица ждёт!

А Глафира стояла на своём осиротевшем дворе, махала им вслед рукой и даже не пыталась вытирать струящиеся по лицу слёзы.

Синдром

(11 мая, пн.)

В понедельник Лариса открыла медпункт с опозданием — бегала на срочный вызов к ребёнку. На крыльце, в ожидании фельдшера, уже мялся один из жителей посёлка.

Лариса впустила его, велела подождать. И пока надевала белый халат, пока готовила шприцы, набирала лекарство, он болтал о том о сём и, среди прочего, сказал:

— Ехал я в прошлый понедельник с райцентра, смотрю, стоит наша баба Глаша посреди дороги с пакетом в руках. Ну, остановился, садись, говорю. А она какая-то странная, то ли злая, то ли расстроенная чем... Нет, говорит, езжай. Я не тебя жду... И отвернулась даже.

Лариса всадила мужику укол в мягкое место. Натягивая штаны, он добавил:

— А в среду мы её на кладбище видели. Знаешь ведь, у нас годовщина по батьке... Так вот, ходит, разговаривает с кем-то, руками машет. Странная такая.

Мужик ушёл. Лариса села заполнять карточки на пациентов, но мысли её постоянно сбивались. Это был не первый человек, который доложил ей о странном поведении бабки Глафиры. В четверг, например, позвонила Лена-дачница, долго молчала про всё подряд, а под конец, извинившись, сообщила: — Может, это не моё дело, но после болезни с Глафирой Фёдоровной что-то случилось. Мы в деревню лет десять ездим, но такой её никогда не видели... Всегда в дом пригласит, чаем напоит, о делах расспросит. А тут всё сквозь зубы, со злобой какой-то... Даже задом к нам повернулась. Прямо жалко старушку...

А ещё фельдшеру доложили, что в один из дней бабка шарашилась с корзинкой под угорицу. Значит, снова ходила за своими сморчками, то есть строчками, хотя Лариса не раз говорила ей не собирать опасных грибов. И уж не во вторник ли это было?.. После заполошного звонка от бабы Глаши Лариса побежала к Семёну Даниловичу и очень удивилась, увидев на двери старушки замок. Обычно Глафира Фёдоровна не отойдёт от соседа, если тот заболел, обязательно дожждётся фельдшера,

всё распростирует, когда какие лекарства пить, всё проконтролирует. А тут — словно специально удрала. И ведь слаба ещё после болезни. А если упадёт в лесу? Кто её искатать будет?..

Надо заметить, что в сельской местности главным исповедником является вовсе не священник, а медицинский работник. Ему приходится выслушивать жалобы не только на лому в костях или рези в животе, но и на близких родственников, на соседей, на начальство, на главу государства, а также быть в курсе многих семейных историй. Фельдшер подчас лучше самой женщины знает, когда и от кого она забеременела, в каком магазине продают палёную водку и почему Дашка ушла от Васьки. Обо всём ей докладывают односельчане. Они идут к ней поплакаться, получить совет, перемыть кости, излить желчь... Фельдшеру приходится принимать и пьяных, и чокнутых, и симулянтов, и по-настоящему битых. А ведь и сам сельский медработник тоже человек, и жизнь его также протекает на глазах жителей и подвергается пристальному наблюдению. И посмей-ка тут отказать или грубо ответить. А так иногда хочется высказать человеку, что он сам виноват в своих бедах, что гробит здоровье своё и близких и помогать ему, а уж тем более жалеть его, нет никакого желания. Но молча, с улыбкой ставит Лариса уколоу и капельницы, терпеливо объясняет глухим старикам, почему надо пить лекарство от давления постоянно, а не когда приспичит, бегает на вызовы в любое время дня и ночи, в жару и в пургу... И не дай бог кому-то не угодить или допустить врачебную ошибку! Жизни не дадут. А ведь и у самой Ларисы дом, хозяйство, огород, молодой красивый муж, за которым глаз да глаз, пятилетний сынок, в котором в садике цепляется любая зараза, своенравная свекровь, так и норовящая сунуть нос в их семейную жизнь...

В общем, в этот понедельник Лариса была, мягко говоря, не в настроении. И застала она бабушку Глашу за её любимым занятием — разговором с телевизором. Старуха смотрела новости, любовалась на Президента.

— Похорошел, похорошел! На пользу отдых пошёл. Погляди-ка, — обратилась она к вошедшей в избу Ларисе, — румянец во всю щёку. Посвежел наш дорогой! А то — весь в трудах. А труды-то его — о-ой, врагу такой жизни не пожелаешь.

— Глафира Фёдоровна, вы как себя чувствуете? — по-деловому спросила женщина.

— Нормально, — отмахнулась бабушка и продолжила смотреть телевизор.

Лариса достала из сумки тонометр, под села к столу, стала надевать манжет на руку бабушке. Та словно не чувствовала, вся была поглощена голубым экраном. Рука висела плетью. Манжет не натягивался.

— Да выключи ты этого! — неожиданно даже для самой себя рявкнула фельдшер. — Надоел...

— Лари-иса! — удивлённо обернулась к ней бабушка. — Это же наш Президе-ент! Как ты мо-ожешь?

— Да всему миру надоел наш Президент! Крым аннексировал! Из-за этого и кошмар-то весь на Украине начался!

— Да что ты такое говоришь?! — задохнулась Глафира. — Крым — наш!

— А он тебе нужен, этот Крым? — зло спросила Лариса.

— Мне — нужен! — стукнула старуха ладонью по столу.

— Говорят, что и вирус этот ни в каком не в Китае завёлся, не в Америке, а ФСБ его разработало и по всему миру распустило. А этому царьку чего? Он в бункере сидит!

Глафира вырвала руку, так и не дав померить давление. А оно у неё в эти минуты явно зашкаливало.

— А ну закрой свой рот!

— С чего это мне рот закрывать? — огрызнулась Лариса, чей рот в каком-то смысле действительно был закрыт — медицинской маской. Она свернула тонометр и бросила его обратно в сумку. — Нас зомбируют, а мы молчать будем?

— Кто это нас зомбирует?

— Да вон! Телевизор твой! Вешают лапшу на уши, вилок не хватает снимать!

— Э-эх, Лариска-а-а, — прошипела бабушка, и глаза её сузились, — вот когда наследство-то сказалось! Ещё твой прадед-кулак против коммунистов пёр, за то и поплатился. И батька твой всю жизнь воду мутит. А худо ли живёте-то? Чего ещё-то надо?!

— Свободы!

— Какой тебе лешой свободы надо?! Ты где этого понахваталась?!

— В интернете!

— Да будь он проклят, это ваш тырнет! Всё тырите, тырите, а счастья нет!

— Надо не нашу пропаганду по телеку смотреть, а слушать, что умные, образованные люди говорят!

— А мы тут все необразованные, — язвительно пропела Глафира.

Её трясло. Она стояла, опершись о столешницу двумя руками, и едва сдерживалась, чтобы не запустить в Лариску чем-нибудь тяжёлым. Фельдшерница нервно перебирала лекарства в своей сумке, доставая их, то складывая обратно.

— Я всё поняла, — прошипела бабушка. — Вот такие, как ты, майданы и делают! Вам любая власть неудобна!

— Вот такие, как я, — будущее России! — взгляд Ларисы над маской сверкнул праведным гневом. — Мы за правду! За мир! За сменяемость власти! За свободу совести! За достойную жизнь! За права меньшинств!

— Ага, ага! Видела я эти ваши меньшинства по новостям! Скачут в трусах по улице! Тьфу! Позор один! Хочешь как они? Хочешь, чтобы твой Дениска однажды платьё надел?

Возникла недолгая пауза.

— Тёмная ты, баба Глаша, — проговорила внезапно уставшая от этого бессмысленного разговора Лариса. — Как твоя Мурка. У тебя мозгов не больше... — Лариска... — тоже тише заговорила Глафира. — Ведь ты же наша, русская. Ты же здесь родилась и выросла. Я тебя сопливой девчонкой видела, конфетки тебе совала. Как тебе не стыдно? Разве же мы вас так воспитывали?

Лариса обессиленно опустила на табуретку и тихо договорила:

— А неправильно вы нас воспитывали...

— Ведь это не ты говоришь. Не ты-ы! Это Витька тебя твой подучил. Смотри, доездится он по своим командировкам. Я тебя предупреждала: держи мужика около юбки!

— У меня и своя голова на плечах есть! — снова завелась Лариса, задетая за живое. — Я тоже в городе училась! Зачем только сюда вернулась? Зачем-ем?..

На глазах молодой женщины выступили слёзы, она наконец сорвала с лица одноразовую маску, уткнулась в неё и заплакала.

— С ковидом этим никакого продыху не стало... Да страшно-то как! Ведь умирают люди. И мы, сами медики, не знаем, что делать. На самом высоком уровне — всё врут! Самоизоляция! Карантин! Прививки! Общий иммунитет! А толку-то?! — Лариса успокоилась, подняла лицо и зло взглянула на Глафиру. — И этот твой — всё врёт! Если от ковида не перемрём, значит, в войну ввяжемся. Всё равно жизни не дадут! У них одна цель — чтобы мы все передохли!

— Не будет войны! Он мне обещал! — гордо заявила бабка.

— Кто — он? — вздохнула Лариса и закатила всё ещё влажные глаза, восхищаясь её дремучеством. — Президент! Лично! Вот тут! На этом самом месте сидел! И сказал: не допустим!

— Совсем ты, баба Глаша, сбрендила.

Глафира схватила Ларису за руку и потащила за собой:

— Пойдём! Я тебе покажу! Я тебе всё покажу!

Первым делом она повела её в дровяник.

— Посмотри! Полный дров мне набили! Всё бесплатно! Два дня парни пластались. Напилили у родника. Раскололи. Всё прибрали. И это он разрешил. Сказал: всю ответственность на себя берёт!

Но Лариса видела пустой дровяник, в котором гулял ветер.

Бабка повела её дальше, к бане.

— Гляди, — подтолкнула она её в спину, — пол — новенький. Ребята перестелили. Лавка — потрогай! Гладкая. Сам Президент лично своими рученьками

стругал! Чтоб, говорит, ничего себе не занозили! — в голосе Глафиры зазвучали слёзы.

Лариса трянула головой, зажмурилась и снова открыла глаза. Но увидела то же, что и до этого: гнилую, сырую баню с проваленным полом.

Дальше был огород. Бабка хвасталась починенным забором. Махала руками, показывала, как какие-то ребята за полдня ей всё вскопали и картошку посадили, курам загон отгородили.

Ларисин взгляд скользил по разорённому бабкиному хозяйству: половина забора лежала на земле, картофельник затягивало травой, тощие куры скучно бродили по нему.

Фельдшер внимательно посмотрела на Глафиру, взяла её за руку, нащупала пульс, который бился часто-часто, поймала двумя руками старуху за голову, заглянула ей в зрачки.

— Баба Глаша, ты снова свои сморчки, тьфу, то есть строчки, ела?

— Не ела я ничего! — выдернула бабка своё лицо из её ладоней. — Я — нормальная! Нормальнее всех вас! Он мне про будущую Россию рассказывал. Не кому-нибудь, не тебе, Ларисонька! А мне!

Всё понявшая женщина печально покачала головой и оставила старуху в покое. Она отошла на некоторое расстояние от дома, достала из кармана халата мобильный телефон и набрала номер главврача районной больницы.

— Галина Петровна, у меня тут с пациенткой что-то странное творится... Да, с бабой Глашей. Похоже на старческий бред. Да такое несёт, мама не горюй! И галлюцинации. Может, на фоне постковидного синдрома. Может быть, ещё грибная интоксикация... Да, наелась опять... Дак я сколько ей говорила, на цепь ведь не посадишь... Хорошо... Да... Хорошо... Да... Вызываю...

Когда за Глафирой Фёдоровной прибыла спецбригада скорой помощи, больная никуда ехать не захотела и неожиданно оказала бурное сопротивление. Даже швырялась тяжёлыми предметами. На улице смогла вырваться, побежала, но санитары догнали её около бани. Пришлось применить фиксирование связыванием.

Когда Глафиру Фёдоровну вели к карете скорой помощи, она презрительно плюнула под ноги фельдшеру и бросила:

— Иуда ты, Лариска!..

Все два с половиной месяца, проведённые в психиатрическом отделении районной больницы, Глафира плакала и просила прощения у какой-то матушки. У своей или у какой другой, врачи так разозлились и не смогли.

Эпилог. Воздух

Хоронили Глафиру жарким июльским днём. Могилку, конечно же, выкопали в Логиновском углу. Дождались родные свою Глашку. Теперь снова вся семья в сборе...

С дальнего болота тянуло удушливой торфяной гарью. Проститься пришло человек двенадцать. Поминок не справляли— кому было их готовить? Так, выпили и закусили на скорую руку прямо на кладбище.

Наутро после похорон сын Валька заколотил досками крест-накрест окна осиротевшей Глафириной избы и поспешно уехал.

Уже в сумерках вышел на крыльцо своего дома-развалюхи дед Семён. Поджёг сигарку, медленно, со вкусом, втянул густой дешёвый дым. В ноги ему боднулась Глафирина кошка. Села рядом и принялась умываться. В запущенном, заросшем дедовом огороде заполошно заквохтали курицы— наверное, которая-то снесла яйцо. Надо будет поискать в траве...

Июльский вечер, после дневной жары, опустился духовитый, плотный. Гарь с болота рассеялась, осела под росой. Раскалённое солнце садилось в плотные, тяжёлые фиолетовые тучи, поглотившие весь западный горизонт,— надвигалась гроза.

Дед Семён хоть и был глух, но не был слеп, и даже он, с его небогатой фантазией, разглядел в этих тучах что-то необычное, что-то нарочное— грозовой фронт слишком явственно представлял собою трёх мужиков на конях. Вон— головы, плечи, борода у среднего... вон, пониже,— морды коняшки, один эдак вбок, другой— рвётся, хрипит, ушами прядает, третий— голову склонил к земле. Ногами кони вязли в еловых вершинах.

Человек широко образованный, культурный, начитанный непременно узел бы в этих трёх мистических фигурах всадников Апокалипсиса, имя которым Глад, Мор и Война. И посетовал: мол, сбываются библейские пророчества, и ждёт нас всех конец света. Канонически всадников, конечно

же, должно быть четыре. Но и трёх достаточно на наши грешные головы...

Глафира, если бы она не лежала сейчас в свежей могилке на тихом кладбище, взглянув на причудливые фигуры, что сложились в небе из тяжёлых, наполненных желанной влагой туч, непременно узрела бы в них трёх богатырей. Ну точно как на репродукции из журнала «Работница». Справа— Алёша. Посередине— Илья. И Никитич, как положено, слева. Богатыри русские вышли посмотреть, всё ли в мире ладно.

А дед Семён, глядя на «мужиков», припомнил, как в юности гоняли в ночное коней, как купали их в тёплой реке, как скакали в утренний молочный туман по полям и кричали «э-ге-гей!», желая разрушить тишину и сон. И скакала, и кричала вместе с ними конюхова дочка, бесстрашная Глашка. И молодая сила рвалась из ребят на волю вместе с конями, и жажда жизни плескалась через край...

Старик затоптал окурок в траве у прогнившего порога, прокашлялся и шагнул в сени вслед за Муркой.

Солнце село. Запад погас. Надвигающийся фронт, с виду такой грозный, опасный, утянуло к дальней реке. Гроза напрямую с запада редко приходила. Чаще— покружит, походит, погремит, а зайдёт уж с другой стороны. Не всегда и угадаешь, откуда и когда.

К ночи небо вызвездило. Среди крупных, уже почти августовских звёзд двигалась одна, мигающая. Летел самолёт.

Куда и откуда летел этот самолёт— ни дед Семён, ни уж тем более Мурка не знали, да и не думали никогда об этом.

Летит— и слава Богу. Значит, вопреки пандемии мир живёт, дышит, движется. И счастлив человек уж тем, что не ведаёт дня завтрашнего...